

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

СЕМЕН АФРАНАСЬЕВ

ГОНКОУГ

Почти что Пенсия

Семён Афанасьев
Валерий Гуров
Гонконг. Почти что пенсия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71603344

SelfPub; 2025

Аннотация

Куда я попал?

Кто этот истеричный китаец? Почему он так орёт, будто я ему что-то должен?

Стоп, я теперь и китайский понимаю?! Где тут зеркало...

Это витало в воздухе долгие годы, чтоб начать стремительно осуществляться теперь, когда тебе пятьдесят.

Казалось, всё налажено, до выхода на пенсию подать рукой – увы. Потому что крупные компании Гонконга стремительно национализируются людьми из столицы, те расставляют в бизнесе своих.

А ты... больше не нужен. И пенсии не будет, поскольку ты вышвырнут с территории в прямом смысле новыми секьюрити.

Старых хозяев на государство меняют целые корпорации. Новые времена, иные политики.

Хорошо, дети уехали в Пекин и там устроились. Или не очень хорошо? Поскольку ты с ними теперь словно чужой?

Возраст, возраст, возраст. Однако и в пятьдесят, если захотеть, можно многое. Даже с нуля. Даже когда из чужого прошлого в твою попаданческую жизнь тянутся очень непростые хвосты этого самого прошлого, "спасибо" предшественнику

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	47
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Валерий Гуров, Семён Афанасьев

Гонконг. Почти что пенсия

Глава 1

Гонконг, корпорация «Цяи групп», недавно национализированная со сменой частного собственника на Государственный Комитет по контролю и управлению государственным имуществом

Кабинет господина Сяна,

8 августа, 14:53

– ... волен! Уволен! Уволен!

Все на китайском языке.

Передо мной зависла бульдожья рожа перекошенная набекрень, слюни летят, и пучит глаза с восточным разрезом. Ох ты ж, а ты кто такой, чучело огородное?

Моргаю.

Китаец схватил меня за грудки, трясет – слышу треск пуговиц рубашки. Толком не понимаю, где оказался, как китаец отпускает меня и вскакивает. Чего этот душевнобольной вообще ко мне прикопался? Голова идет кругом, соображаю

будто с запозданием.

Чудик поднимает две половинки портрета, с протяжным «ву-у-у» пытается их соединить. На холсте какой-то политический деятель, сужу по китайскому флагу.

Соединить несоединимое не выходит, китаец театрально разводит руки, закидывает голову и начинает рыдать. Горе то какое у людей, м-да...

Чувствую, что промок, поднимаюсь на локти и оглядываюсь. Место мне незнакомо, но руки и ноги целы, а голова соображает, правда туго... понимаю, что мыслю на китайском языке. Непривычно и привычно одновременно.

А еще я, похоже, пьян.

Идиот с половинками портрета тяжело опускается на стул. Агрессию у господина Сяна, как рукой снимает, а я уже думал поправить ему лицо с правой... Стоп! Пытаюсь понять откуда всплывает имя. И снова странное чувство, когда я вроде знаю рожу китайца, а вроде и нет.

Сян теми же глазами пялится на палас. На белом ворсе видны следы отпечатков туфель. Химчисткой тут явно не обойдешься, палас можно выбрасывать. Мда, нашел из-за чего убиваться.

– Ты у меня заплатишься! – Сян грозит пальцем, трясущимися снимает телефонную трубку.

Я игнорирую его, продолжаю осматриваться. Действо происходит в просторном кабинете. На стене висит коллекция холодного оружия, на небольших полочках мерно горят

свечи, окна задернуты жалюзи. Из мебели только большой дубовый стол, пару кожаных стульев и огромный книжный шкаф. Ах да, еще аквариум, с пираньями. Видимо чудика не хватает в жизни острых ощущений.

– Немедленно! Сейчас же! Иначе я буду звонить в Пекин!

Сян, дождавшись ответ, истерично орет в динамик. Просит немедленно прибыть службе собственной безопасности некой корпорации «Цзя групп». А я еще думал чей логотип нарисован на стене.

Одновременно слышу жужжание – камера, установленная в углу кабинета, поворачивается в мою сторону. Понять бы еще, что стряслось и отчего мы сцепились, как собаки. Бокowym зрением вижу, как захлопывается дверь в кабинет, за нами все время подглядывала какая-то дама в форме уборщицы.

Немалых усилий стоит подняться. Меня качает, как на палубе попавшего в шторм корабля, ноги гнутся как переваленные макароны. Приходится схватиться за столешницу, чтобы не упасть. Я не просто пьян, во мне больше алкоголя, чем крови. И угораздило же, я всегда знал меру алкоголю.

Рядом с книжным шкафом есть зеркало, вижу себя и вздрагиваю от неожиданности. В отражении... почти старик. Черные волосы, основательно побитые сединой, взъерошены и торчат пучками. Костюм помят, галстук набекрень, верхние пуговицы оторваны. И лицо такое, будто поводили о стиральную доску. Сморщенное, как куриная жопа, и под глаза-

ми мешки.

Ношу очки с огромными толстыми линзами в роговой оправе, правда, похоже, от возрастной дальнозоркости.

Знакомство с нынешним собой озадачивает, это еще мягко говоря. Выгляжу как архивариус, но бейдж на груди подсказывает: Мао Юн, заместитель начальника производственного участка номер 43.

Хорошо, что дальше?

Решаю выяснить у этого Сяна, что произошло. Сажусь в кресло, одергивая брюки и складываю руки на стол.

– Продолжим? – свободно говорю на чистом китайском, хотя языком ворочаю с трудом.

– Ты... ты...

Сян багровеет, начинает задыхаться. Одной рукой ослабляет галстук, второй лезет в выдвижной ящик стола. Достает оттуда пластинку таблеток, та оказывается пустой. Он несколько секунд на нее испуганно пялится, потом впивается в меня взглядом и, заикаясь, пытается что-то выдать.

– Вы... выз... – тычет в трубку телефона, выходит скверно.

Кто еще из нас выпил? Может, не поделили что по пьяной лавочке? Однако рюмок и выпивки на столе не замечаю.

Пока улавливаю посыл, Сян заваливается на кресло назад и вверх тормашками падает на пол. Так, что из-за столешницы только вверх тормашками ноги торчат. Кстати, нагрудного бейджа у него нет, но на столе стоит именная табличка с

надписью «Сион Сян, начальник производственного участка 43».

Из брошенной телефонной трубки слышу чей-то визг – возмущения вперемешку с отборным матом.

Дверь за спиной снова открывается. С такой силой, что ручка бьет о стену, оставляя вмятину. Ёжусь, громкие звуки бьют по барабанным перепонкам.

На пороге вырастают двое секьюрити в черных очках и таких же костюмах. Комично смотрятся вставленные в нагрудные карманы белоснежные носовые платки с эмблемой корпорации.

Решительно идут в мою сторону, бесцеремонно хватают подмышки и выволакивают из кабинета. Прежде один из них подбирает конверт, валяющийся на полу, и сует в карман моих брюк.

Сопrotивляться получается плохо: я с трудом стою на ногах, в голове от выпитого кружатся вертолеты, это не считая чужого тела в возрасте. Хозяин его за физической формой явно не следил, это тоже чтобы сказать очень мягко.

В кабинет Сяна подбегает девчонка в белом халате, таща сумку с красным крестом. За ней на всех парах несется уже знакомая уборщица. На меня обе смотрят с каким-то сожалением.

Тут вы не правы, меня жалеть не надо, дайте только время. Секьюрити стаскивают меня по лестнице, ничуть не заботясь о том, что мои ноги бьются о ступени. С левой ноги сле-

тает туфель, я остаюсь в одном носке, порванном на большом пальце. Проходим через какой-то цех, срабатывают автоматические ворота. Оказываемся на улице, где меня проносят мимо курилки. Оттуда на меня с усмешкой пялятся двое молодых китайцев, одетых с иголки, один из них курит сигарету.

Секьюрити запихивают меня в черный тонированный автомобиль и увозят.

– Куда едем? – с трудом ворочаю языком.

Никто не отвечает. Едем недолго, машина с визгом тормозов останавливается, заднюю дверь открывает мордovorot.

Нисколько не церемонясь, меня тащат к небольшому стеклянному зданию, волоча по земле, будто мешок с картошкой.

Внутри стекляшки куча турникетов. Понимаю, что это проходная.

Подходим к турникету. Рывок и меня ставят на ноги, продолжая придерживать за шиворот, чтобы не упал. Надо же так... мой реципиент напился, а мне выгрести.

Мордovorot срывает с меня бейдж, забирает пропуск, шманает по карманам и вытаскивает какие-то ключи. Когда заканчивает, у меня наконец получается частично восстановить контроль над чужим непослушным телом.

Зачем же ты так напился, дорогой предшественник. До коматозного состояния.

Непосредственно удерживают двое. Напрягшись, сперва выпрямляю ноги – груз в их руках теряет вес – затем рас-

слабляю.

Импровизированные конвоиры крикают, напрягают мышцы, чтоб удержать меня в вертикальном положении – и дружно выходят из равновесия.

Теперь бросить пальцы на запястье первого. Надавить на тыльную часть ладони, загибая кисть к локтю и заставляя разжать руку.

Есть. Дальше освободиться рывком против большого пальца.

Второй спохватывается на удивление быстро. В долгие фехтования, любые размены ударами и прочую акробатику ввязываться нельзя – не тот возраст, не тот организм. Не то состояние из-за выпитого, не тот противник.

Очень короткий шаг вперёд, благо, дистанция и так невелика. Короткое движение лбом вперёд – и мои очки весело звенят разбитыми стёклами по каменному полу, а второй секьюрити, как стоял, так и заваливается назад на прямых ногах.

Что-то ещё могу даже в этом теле, никак не молодом и не спортивном.

На моём лице успевает зажечься улыбка перед тем, как свет в глазах гаснет и звуки отключаются – за всеми сопровождающими не уследить, кто-то прикладывается по затылку сзади.

В бессознательном состоянии сгруппироваться не получается и я уже не чувствую, как вспахиваю землю щекой, слов-

но комбайн на пашне.

На улице жуткий ливень, а я лежу на земле, моргаю глазами и всматриваюсь в огни небоскребов Гонконга. Странно, я думал тут везде асфальт, а лежу на голой земле.

Меня переполняет не самая уместная на первый взгляд эйфория: не всё конечно, радужно, но второй шанс на новую жизнь – это всегда второй шанс.

За битого дают двух небитых и своим гандикапом я намерен воспользоваться по полной, кажущаяся бесперспективность положения и возраста не в счёт.

ЗА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ДО ЭТОГО

Гонконг, корпорация «Цяи групп»

Курилка цеха по производству палладия

8 августа, 14:37

– Дура, это Хироси, – бывший начальник производственного участка Линь Чун оперся локтем о перегородку, подкурил любимые «Нанкин» и выпустил сизый дым в лицо своего бывшего зама, коренастого толстяка Ян Цзиня по прозвищу Пончик.

Пончик никогда не курил, но имел годами сформирован-

ную привычку выходить на перекур с Чуном, замом которого вскоре стал. Раньше Цзинь делал вид, что дышать дымом премиального табака ему нравится, но теперь позволил себе закашляться и даже отмахнулся конвертом с изображением спутниковой тарелки. Чун в ответ удивленно изогнул бровь, но никак не прокомментировал, только лениво подумал: интересно, а где теперь его бывший зам будет покупать любимые пончики с заварным кремом? Вход в корпоративную столовую для него отныне закрыт раз и навсегда. Впрочем, как и оптовая цена на любимые «Нанкин» для самого Чуна.

– Дура, – неохотно согласился Пончик Цзинь, привычка во всем соглашаться с боссом у него все же осталась. – Ей ведь тоже вручили «письмо счастья», поздно дергаться.

– Поздно, – согласился Чун, щурясь и выпуская дым через нос. – В материковом Китае не ведают, что творят, когда разбрасываются такими ценными кадрами, как мы, Цзинь. Но ничего, через несколько месяцев они спохватятся и предложат нам новые условия, лучше предыдущих.

Цзинь промолчал, сделал вид, что засмотрелся пролетающим мимо голубем.

Два бывших высокопоставленных сотрудника корпорации «Цзя групп» обсуждали «неделю сокращений», что случилась после национализации крупного предприятия. Их внимание привлекла теперь уже бывшая начальница мастеров чистоты. Та решила, что сможет избежать участи других

начальников, но по мнению Чуна и Цзиня, выбрала крайне неэффективную тактику. Самолично надела перчатки, взяла швабру и ведро, и зачем-то наполняла его из кулера, установленного в цеху для рабочих. Или она согласилась на предложение новых руководителей и осталась работать в корпорации на месте obsługi? Вряд ли... «Хироси», на самом деле звавшаяся Аими (просто никто не запоминал) переживала увольнение тяжелее всех, потому как только несколько дней назад получила долгожданное повышение. И снова работать уборщицей – да никогда! Чун, например, рассмеялся в лицо новому начальнику, когда тот предложил ему рабочую должность с окладом в десятки раз меньше, чем был у него до того.

Чун наблюдал за происходящим с интересом. Докурил сигарету, потянулся за новой и обнаружил, что в пачке ничего не осталось. Закончились. Недовольно сжал окурок и выбросил в урну.

– Эй... да ты! – окликнул он одного из работяг, вышедшего на перекур, не вспомнив его имя. – Закурить дай?

Тот остановился, еще вчера этот бедолага и думать не смел выходить в курилку, когда в ней были Чун и Цзин. А теперь работяга с ухмылкой достал из кармана спецовки пачку дешевых «Юси» в мягкой упаковке.

– Такие куришь? – с ухмылкой спросил он, опуская привычное «господин».

– Пойдет, – отмахнулся Чун, курить хотелось настолько,

что мочи нет – нервы, будь они неладны. – Давай сюда!

Работяга пожал плечами и тотчас достал сигаретку, взявшись за фильтр масляными пальцами.

– Угощайся!

Чун брезгливо поморщился, но от сигареты не отказался. Все равно теперь некоторое время придется жить согласно недостатку и от дорогого табаку предстоит отказываться.

Набрав воду, Аими тем временем решительно зашагала по лестнице на второй этаж, где располагался кабинет директора крупного производственного участка. Проход перегородила вертушка, отключенный пропуск у Аими предсказуемо не сработал, но начальница уборщиц под смешки Цзиня и Чана перелезла через турникет и нагло вломилась в кабинет...

– Думает это ее спасет, – презрительно заметил Чун, морщась от вкуса «Юси». – Пойдем, с приходом партии нам здесь больше нечего делать.

Докуривать «солому» он не стал. Выбросил в урну почти целую сигарету.

– Не ценят они таланты, Пончик, и за это очень скоро заплатятся, – бывший шеф смотрел задумчивым взглядом на цех огромного производственного участка корпорации «Цяи групп».

– Сам ты Пончик, – недовольно пробурчал под нос Цзинь. – Ты ступай, и я, пожалуй, тоже пойду...

– Куда? – удивился Чун, обычно Пончик предлагал под-

бросить его до дома, хотя жили они в разных частях города.

– Как и предложили, – Пончик отстраненно пожал плечами. – Работать наладчиком.

Чун аж закашлялся, не веря своим ушам. Менять должность с начальника на должность работяги и получать лишь сотую часть от своего прежнего заработка, он не хотел. По крайней мере пока... Глядя на дымящуюся в урне «Юси», невольно задумался о том, что возможно зря смеялся в лицо новому боссу.

В Гонконге наступили непростые времена

* * *

Кабинет господина Сяна,

8 августа, 14:51

– Хироси, я велел почистить аквариум еще вчера, дура ты неорганизованная! Уволена!

Господин Сян вскочил из-за стола и уперся кулаками в столешницу. Вскочил настолько быстро, что кресло откатилось и ударилось о стену, где висел портрет председателя Китайской Народной Республики. Портрет покачнулся и упал, стекло рамки разлетелась бисером по кабинету.

Наверное, только это отвлекло Аими от того факта, что штаны у господина Сяна оказались приспущены, а из-под стола пулей выскочила... кто бы мог подумать – Хироси собственной персоной. Она рванула к выходу, вытирая салфет-

кой рот с размазанной помадой на губах.

Что говорил дальше господин Сян, Аими не слышала. Она как будто сама погрузилась в аквариум, и плавала среди любимых пираней нового директора. Тех, которых следовало обязательно кормить тонко нарезанными ломтиками бекона.

Сян торопливо застегнул ремень, делая вид, что ничего не произошло и Хироси оказалась под столешницей совершенно случайно.

Наверное, поэтому господин Сян никак не мог запомнить имени Аими, проработавшей в корпорации без малого тридцать лет. Хироси была гораздо моложе и красивее Аими и босса не волновало, что портрет Аими висел на доске почета «ими гордится коллектив». Висел гораздо дольше, чем внезапно ставший модным в Гонконге портрет председателя, сменивший изображение отца основателя корпорации Мина Цяи.

А ведь она единственная запомнила время кормежки рыбок. Когда как невнимательность паршивки Хироси убила Билла Клинтона, любимую рыбку Сяна... представить только, эта бестолочь забыла, что бекон храниться при температуре три градуса (не больше и не меньше) и перед кормежкой вымачивается в лимонном соке! Зато Аими хорошо поняла почему босс выбрал для рыбки такое имя. Наверное, Хироси, которую Сян назначил новой начальницей ничем не уступала Монике Левински.

Обидно было настолько что у Аими навернулись жгучие

слезы, а ведро с водой завибрировало в руках. И ради этого она набирала воду для уборки не из-под крана, как все, а из питьевого кулера? Бюст основателя народной партии Мао, теперь украшавший стол каждого начальника, нельзя было протирать проточной водой.

Слезы следовало сдерживать, если хоть капля упадет на ковер директора, Аими точно не сдобровать. Что уж говорить о перевернутом ведре. Она хорошо помнила, как господин Сян уволил несчастную Кимико за то, что у нее порвалась бахила прямо в кабинете.

Сян открывал беззвучно рот и, судя по вылезшим на лбу красным пятнам, сильно злился. Это не сулило закончиться чем-то хорошим.

Аими, в отличие от директора, хорошо знала своего вот уже... одиннадцатого начальника. Да, директор Сян работал в компании первую неделю, но Аими успела запомнить его привычки, кличку его собак, хобби и увлечения. Как еще, господин Сян, по слухам, был важной шишкой и входил в ближнее окружение пекинского чиновника Лин.

Поэтому уборщица знала, что лучше всего покинуть и в кратчайший срок исчезнуть из поля зрения. Если этого не сделать, у Сяна подскочит давление, а последнюю таблетку он выпил утром за полчаса до завтрака и откачивать его придется вызовом скорой. И вот тогда Аими точно не оберется проблем, у Сяна через девять минут важная встреча со своим замом Юном и ее нельзя пропускать.

– Простите, господин, все сделаю, господин, – Аими попятилась к дверям, претворившись серой мышко, но наткнулась на резко открывшуюся дверь. Аими сбило с ног, а ведро перевернулось и окатило... господина Юна.

– Простите... – пропищала уборщица и бросилась вытирать ноги господина Юна полотенцем.

Она не сразу заметила, что Юна, проработавшего в корпорации еще дольше Аими, странно потряхивает. А еще от него разит успокоительными травами и алкоголем впере­мешку. Юн не обратил внимание на перевернутое ведро, и пошатываясь зашел в кабинет, хлюпая промокшими туфля­ми по любимому ковру директора.

Господи, он же изувечил ковер, – уборщице поплохело.

Подойдя, Юн вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт, взобрался на стол и стоя на коленях, принялся лупасить конвертом по щекам Сяна, схватив того за шиворот.

Что же он творит?!

Неужто нервы не выдержали? Судя по конверту, Юн как все боссы корпорации, получил «письмо счастья». Аими вся затряслась от ужаса, когда господин Юн схватил портрет председателя Ляояна и с воплем переломил его через колено. Но поняв что натворил, Юн резко схватился за сердце и опустил­ся как убитый на пол. Умер, сердце не выдержало...

Глава 2

Рабочие, наладчик станков Лю и токарь Лау, шли в сторону проходной. Впереди тудяг ждала тяжелая ночная смена. Вызвали неожиданно, но за работу в ночь платили вдвое больше и в коридорах шептали о новом заказе из материкового Китая.

Крупном заказе, настолько жирнющем, что предыдущие, «капиталистические» (токарь Лау говорил это слово с презрением и чуть сморщив нос), не годились ему в подметки.

Шутка ли, на корпорацию обратил внимание сам господин председатель народной партии. Отныне завод переходил под прямое управление государства.

Так получилось, что Лю и Лау своими глазами видели, как специалисты из службы безопасности корпорации, вышвырнули бессознательного пожилого мужчину через турникет. Поправили черные очки, одернули пиджаки и с невозмутимым видом зашли обратно. Как будто мусор выкинули в урну. Хотя, что в этом необычного? Времена в Гонконге настали непростые, не то можно увидеть средь беда дня.

– Эй, кажется это заместитель Мао Юн! – Лю вытаращив глаза затыкал пальцем в мужчину, стоявшего на четвереньках возле проходной.

Никак не мог поверить Лю, что перед ним САМ заместитель производственного участка номер 43. Чтобы Мао Юна

и вот так, взащей...

– Точно он! – Лау вытащил мобильный, дыхнул на камеру, протер рукавом и начал видеосъемку.

Это показалось токарю отличной идеей. Он думал, что сегодня же разместит запись в самом крупном паблике Гонконга, и подпишет как-нибудь пообиднее. Ходили настойчивые слухи, что такими публикациями можно накопить себе очков в копилку социального статуса. Приказа на этот счет никто не видел, но таких видео в последнее время становилось все больше.

Господина Юна токарю было не жалко. Этот человек из числа тех, кто сумел сколотить себе состояния каких-то двадцать лет назад, пользуясь обманом (как считали токарь и наладчик). Таких с приходом в Гонконг народной партии, быстро опускали с небес на бrenную землю. Вот очередь и дошла до зажавшейся скотины Мао Юна, вросшей корнями в кресло заместителя огромного участка по обработке палладия.

Юн воротил миллионами, и его не волновало, что у обычных работяг денег совсем нет. Также, никого не волновало, что Мао тупой, как пробка, не просыхающий и пьющий прямо на рабочем месте. Другое дело Лю и Лао, мастера с большой буквы с золотыми руками, на которых держится не только их участок, но и бери больше – весь завод...

И вот настал день, когда справедливость восторжествовала. Закончил Мао как и все выскочки, вышвырнутым на

свалку, будто просроченный... сырок! Не так давно, когда Лао в очередной раз выключили за неуплату электричество, в холодильнике токаря пропал сырок. И вот он, растекшийся шоколадом по пустой полке, выглядел примерно так же, как замначальника Юн.

Так и надо буржую, который жрет чёрную икру столовыми ложками, когда такие работяги, как Лю и Лау, занимают деньги до зарплаты на оплату съемного жилья.

Подлец и негодяй, возбуждено подумал Лю, взяв отличный ракурс и воодушевлено облизав зашелушившиеся губы. Но только наладчик включил видеозапись, как почувствовал увесистый толчок между ребер.

– Убери телефон! – зашипел Лау.

– Поче...

Лю осекся, и мигом спрятал мобильный за спину. К проходной с трассы вывернул черный лимузин с правительственными номерами и тонированными стеклами. Везли кого-то из достойных людей мира сего. «Новых владельцев Гонконга», как называла материковых пресса.

Честных, порядочных и мудрых, в чем Лао был уверен на все сто. Только мудрые люди могут предоставить квартиру обычному работяге всего то за двадцать лет непрерывного стажа. Откуда взялись квартиры, если их никто не строил, и куда денутся предыдущие жильцы, Лао предпочитал не думать. Зато он знал – фиксировать таких господ на видео, было строго настроено запрещено недавним декретом.

Ничего, подумал Лю, запись будет достаточно смонтировать и никакой правительственной машины на видео не будет видно. А свои социальные очки наладчик обязательно получит. Он еще не раз покажет лояльность к новой власти!

Лю и Лау поклонились проезжавшему мимо лимузину и застыли полусогнутыми, оттопырив пятые точки, когда водитель резко затормозил. Черный лимузин встал как вкопанный.

– Увидел, наверное, – процедил перепугано Лау, покрываясь мелкими бисеринками пота.

Лю только побледнел, язык проглотил и пошел красными пятнами от волнения.

У работяг, все еще стоявших в поклоне, душа в пятки ушла.

Но лимузин приехал не по их души. Хлопнула массивная бронированная дверь, и из автомобиля вышел водитель с бульдожей мордой. Нехорошо покосился на двух работяг.

Лю ужасно боялся проблем, но любопытство взяло вверх и рабочий украдкой приподнял голову. Этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, как водитель подтянул спадающие брюки и взбежал по ступенькам на небольшой пьедестал. Там находился стенд с фотографиями лучших работников корпорации за прошедший месяц.

Заинтересовал водителя снимок заместителя Юна. Последний, кстати, с усилием поднялся с четверенек на присядки и тряс головой, приходя в себя. Не ожидал, падлюка

этакая, что карма его настигнет.

Водитель сорвал фотографию заместителя со стенда. Поднес к лимузину, из которого вышел импозантный мужчина с расчесанными по пробору волосами и жидкими усиками.

– Одну секундочку, господин Лиу, – водитель впопыхах достал телефон, дыхнул на камеру и, тщательно вытерев объектив, начал съемку.

Лицо господина Лиу перекошило от ярости, усы зашевелились и он бросил фотографию Юна на пол.

* * *

Смеряю взглядом помятую фотографию, на которой с трудом, но узнаю собственную физиономию. Наверное, прилизанный хотел меня уколоть побольнее. Его ухмыляющаяся рожа перекошена, ноздри раздуты, кулаки сжаты так, что костяшки белые. На переднем кармане пиджака значок коммунистической партии Китая.

Водитель носится за его спиной, как ужаленный, с еще одной фотографией, которую вытащил из салона. Бежит к пьедесталу со снимками лучших работников. Свято место пусто не бывает: взамен моей фотографии в специальную рамку бережно вставляется снимок прилизованного.

Кстати, пустых мест на доске почета не одно и не два, доска заметно прорежена. Видимо чистка давно набирала обороты.

Прилизанный гулко выдыхает, поправляет галстук и, удовлетворенно кивнув, садится обратно в лимузин.

Водитель послушно закрывает дверь и автомобиль трогается. Стекло задней двери ползет вниз и в проеме появляется симпатичная мордашка молодой китайки. Она смотрит на меня с пренебрежительным любопытством, даже поворачивает голову, когда лимузин отъезжает, чтобы лучше меня рассмотреть.

Я выдавливаю из себя улыбку, подмигиваю, ощущая на губах привкус собственной крови. Девчонка вздрагивает, окно ползет вверх.

На проходной разъезжаются ворота, объект находится под охраной, но никто даже не спрашивает пропуска.

Я хоть и пьян, но жадно губкой впитываю такие мелочи, из них складывается впечатление о новом мире. Сейчас понятно одно – в Гонконге, куда я попал, идет полным ходом передел.

Понятия не имею кто сидел в лимузине... хотя имею – фотография принадлежит новому заместителю сорок третьего участка, подписано Ку Лиу. Быстро однако нашли мне смену.

После знакомства с холодной лужей, удалось протрезветь. Поднимаюсь, делаю массаж головы, чтобы окончательно снять опьянение. Выгляжу скверно, весь в грязи и усталость буквально сжимает прессом, как будто я не спал двое суток подряд. В глазах песок, многие объекты размыты.

Приходится пожертвовать пиджаком. Тщательно вытираю им брюки и воротник рубашки. Грязь жидкая, вонючая, размазывается по ткани, но сменки все равно нет. Придется идти домой, благо в памяти всплывает нужный адрес. Другой вопрос, я понятия не имею, где находится мой дом. Спросить бы у местных...

Замечаю двух доходяг, в десятке метров от проходной. Они стоят в полупоклоне и трясутся, будто кленовые листья на ветру. Косятся на меня, мы видимо знакомы. Ну или внимание привлек мой неопрятный вид. Интересно, они были свидетелями случившегося беспредела?

Но парочка, стоило мне приблизиться, шарахается к проходной.

– Урод, – слышу как зло шепчет один из них.

– Будь ты проклят, буржуй, – подхватывает второй.

Но тоже шепотом, через губу, сказать в лицо им явно не хватает душки. Ладно... языком чесать – не мешки ворочать.

Снова оглядываюсь, покусывая губу и чувствуя, как на зубах скрипит земля. Втягиваю воздух нового мира, он точно такой, как и в моем мире. Я как будто оказался на другом континенте, но все же эта реальность совсем другая.

– Эй! А ну убирайся отсюда! – из проходной выскакивает старик вахтер, машет руками, отгоняя меня, будто нашкодившего кота. – Тебе что проблемы...

Он осекается, судя по всему узнал. Осекшись, говорит куда спокойнее:

– Вам правда лучше уйти, господин Юн, ничего личного, но мне не нужны проблемы.

Поднимаю большой палец, показывая, что услышал. И прихрамывая на левую ногу ухожу с проходной. Мне тоже проблемы не нужны, для начала надо понять как я докатился до такой жизни, а после предпринимать действия.

Замечаю в сотне метров от проходной небольшой продуктовый ларек. Пить хочется жутко, стенки гортани будто прилипли друг к другу. А из холодильника рядом с ларком на меня смотрят бутылки прохладной минеральной воды.

Щупаю карманы, ищу деньги. Нахожу в одном кармане складную расческу, несколько мятных леденцов (сразу кидаю все в рот, мята хорошо помогает при похмелье) и сложенный носовой платок. В другом кармане обнаруживается карта для подземки. На руках часы, потертые, перепачканы в вонючей грязюке.

В нагрудном кармане рубашки старенький телефон, завернутый вместо чехла в пупырчатый целлофан. Телефон не последних моделей, но есть сенсорный экран. На нем висит порядка двадцати пропущенных вызовов. Все это потом, а сейчас... сзади телефона обнаруживаю банковскую карту, выполненную из благородного черного металла – признак премиального клиента банка. Иду к ларьку. Продавщица, бабулька, с удивительно большими глазами, смотрит с прищуром из-под прилавка, за которым пряталась.

– Минералку, пожалуйста, – с трудом выдавливаю из себя,

легкие тоже болят, будто скукожились апельсиновой шкуркой.

Старуха отрывисто кивает на холодильник. Самообслуживание, значит. Достāju бутылку, рука приятно касается прохладной поверхности.

– Оплачивайте, – робко шепчет продавщица и подвигает ко мне терминал.

Дрожащей рукой прикладываю карту. Колесико на экране натужно грузится, я открываю бутылку, делаю жадный глоток, ощущая как прохлада расплзается по телу.

– Как добраться до А-Кунг-Нгам-роуд? – называю улицу, растирая ушибленное колено.

Продавщица не успевает ответить. Колесико перестает крутиться, и на экране терминала появляется красный крест – оплата отклонена. Слышится характерный писк отказа.

– Попробуйте еще раз, господин Юн.

Продавщица тоже знает мое имя, такая публичность настораживает. Я закусываю губу, снова прислоняю карту и на этот раз красный крест появляется куда быстрее.

Отказ.

Снова.

Пиликает мобильный телефон. Приходит сообщение. Смахиваю экран вверх, но телефон протестно вибрирует – лицо не распознано. Приходится вытирать физиономию рукавом некогда белоснежной рубашки. Наверняка я только размазываю грязь и кровь по лицу (судя по взгляду продав-

щицы), но умыться негде.

Повторная попытка идентификации разблокирует экран. Сообщение пришло от банка – уведомление о недостатке на карте средств.

Мельком изучаю ленту пропущенных. Вместо фамилии и имени, записаны порядковые номера. Но если для реципиента цифры имели значение, то для меня это просто цифры.

Потом разберемся кто и что от меня хотел, а пока надо попытаться оплатить воду. Нахожу приложение банка, там появляется запрос на введение пароля. Наугад тыкаю четыре нуля, но телефон протестно вибрирует. Пробую другие комбинации, но узнать пароль наугад не выходит. После третьей попытки ввода появляется надпись: превышено количество попыток ввода, обратитесь в банк.

– У вас нечем платить, господин Юн? – вкрадчиво спрашивает продавщица.

Кошусь на открытую бутылку минералки в своей руке, киваю в ответ на вопрос. Нехорошо получилось.

– Запишите в долг, прошу прощения. Я обязательно расплачусь.

Смотрит подозрительно, потом достает блокнот и вписывает туда мою задолженность.

– Завтра работаю не я, а моя сменщица, и пока я положу в кассу из своих.

– Спасибо...

Также на автопилоте отхожу от ларька, опрокидываю ми-

нералку и несколькими жадными глотками осушаю бутылку. Ответа по адресу от продавщицы я не получил, открываю карту в навигаторе.

Интернет рядом с проходной работает плохо, скорее всего, глушилки стоят, но телефон все же показывает мое нынешнее местоположение. Заряда всего несколько процентов, и батарея стремительно разряжается.

Пока иду, непослушными пальцами вбиваю нужный адрес в мобильник. Интернет метров через сто ускоряется, нажимаю «проложить маршрут» и зелененькая полоска на экране, прокладывает нехитрый путь. Вперед, к трассе, пройти по прямой, до ближайшей станции метро. Оттуда пять остановок и я на месте. Вот и карточка от метрополитена пригодится. Дорога до дома не близкая, навигатор показывает полтора часа пути.

Решено.

Гулко выдохнув, иду к трассе, все еще сильно прихрамывая. Чем ближе к проезжей части, тем сильнее дует ветер, но на меня это действует только отрезвляюще. В голове до сих пор каша, мысли сбивчивы, а воспоминания прежнего обладателя тела отрывистые и сумбурные. Одно ясно, это никакой не сон, не галлюцинация, теперь это моя новая жизнь. И все вокруг происходит по настоящему. Вывод, который могу сделать на сейчас – у меня крупные неприятности. Незвестно, чем сегодняшней инцидент обернется в ближайшем будущем. Но ощущение, что неприятности усугубятся, не по-

кидают. Фантомная память фонит беспокойством. Зато чувство опасности отлично тонизирует и собирает в кучу.

От мыслей отвлекает вибрация телефона – поверх карты всплывает новое сообщение: уважаемый господин Юн, сегодня до конца дня будет списан платеж по ипотечному кредиту, просим внести средства на счет. Смахиваю сообщение, но следом приходит еще одно: ежемесячное списание за мобильную связь, для оплаты тарифа недостаточно средств, ваш баланс – отрицательный, для продления пользования услугами связи, пополните счет. Но и это не все, следующим приходит уведомление о блокировке моего лицевого счета в банке. Не успеваю дочитать уведомление, как экран телефона гаснет. Благо в памяти остался маршрут.

У трассы нахожу наземный переход, но автоматизированный турникет требует «пропуск». Его то у меня и нет, забрали люди в черном... Трасса кишит автомобилями и не предназначена для пешеходов. Выход на узкую дорожку перегорожен, но я недолго думая перелезаю через него. Тяжело прыгиваю на асфальт, организм протестует на грузкам.

Идти приходится вдоль отбойника, держась одной рукой за него. Ветер сильный, а в довесок начинает капать дождь, быстро набирающий обороты. Минута, и начинается настоящий ливень. Я, опустив подбородок на грудь, плетусь вдоль трассы. Приезжающие автомобили слепят фарами, обдают брызгами и каждый пятый считает нужным просигналить. Один особо настойчивый, притормозил, опустил окно и с пе-

рекошенными лицом зашипел:

– Полицию вызову! Здесь ходить нель...

Запинается, видя мой взгляд. Ничего не стоит взять его за шкуру, выкинуть из автомобиля и поехать к дому за рулем. Но вижу на экране приборки, что местоположение автомобиля отслеживается по спутнику.

Потянувшаяся было рука замирает. Не стоит, слишком опасно – некоторые водители, как и те двое у проходной, снимают меня на мобильные телефоны. Со стороны я выгляжу не ахти. Грязный, мокрый, с низко опущенной головой и зажатой в один кулак карточкой-пропуском в метро, а во второй севшим мобильным телефоном в пупырчатом целлофане.

Китаец водитель растерянно кивает, шепчет извинения и уезжает. Иду дальше. Периодически приходится останавливаться. Идти тяжело, голова кружится, ноги плутают, а сил практически нет.

Берусь за отбойник обеими руками и смотрю на водную гладь, восстанавливаясь. Водители активнее сигналият, видимо полагая, что я хочу совершить суицид... опрометчиво. Не из такого дерьма приходилось выбираться.

Надо добить последние несколько сот метров – даже за стеной дождя виднеется вывеска станции метро.

Пи-и-ик!

Турникет метро снова загорается красным. Стискиваю зубы, кошусь на сотрудника метрополитена, который тотчас безучастно отводит взгляд. Он, как каменный истукан, стоит рядом с турникетом, но пока я не совершаю противоправных действий, не вмешивается.

– Недостаточно средств? – спрашиваю, когда красная кнопка вспыхивает снова.

Хотя ответ знаю – но проверить следовало.

– Ваша карта заблокирована, – сообщает сотрудник, я вижу как он шевелит ноздрями от неприятного смрада. – Вы зря теряете время, рекомендую пройти к терминалу и оплатить новую.

– Ты проходишь?!

Какой-то мужчина жестко ударил меня плечом в плечо и отбросил от терминала. Спокойствие... лишнее внимание к себе в таком состоянии мне точно ни к чему.

– Вы мешаете проходу, господин! – сотрудник все еще вежливо указывает мне на терминал, намекая, что будет не лишним купить билет.

У терминала толпится куча народа. Все дерганые, куда-то спешат. Туда я точно не пойду, от меня шарахаются, как от прокаженного. Денег на покупку билета тоже нет. Сообра-

жать следует быстро. Вспоминаю про часы на запястье, растягиваю ремешок непослушными пальцами. Кладу часы на турникет рядом с сотрудником.

– Проезд стоит... – заводит он как мантру, но осекается, когда видит часы. Быстро облизывает губы и опасно косится на камеру. Снова мельком изучает часы и, наконец, переводит взгляд на меня. По глазам вижу, что расценил жест, как попытку дачи взятки, но истерику закатывать не спешит.

– Вы серьезно, господин? – он приподнимает бровь, наливаясь густым румянцем.

– Пропусти и они твои, – заверяю я. – Денег у меня нет.

Часы самые обычные, с облезлым ремешком и затертым стеклом, к тому же выпачканные в грязи, но других альтернатив кроме телефона у меня нет. Но в мобильнике хранится вся жизнь людей, а что у меня за жизнь только предстоит разобраться. Сотрудник крепко задумывается.

– Какие-то проблемы? – по бокам от меня вырастает охрана.

Видимо кто-то из пассажиров успел пожаловаться или сам сотрудник нажал тревожную кнопку.

– Нет, у господина возникли трудности с оплатой, но вопрос уже решен, – сотрудник жрет на брелок на груди и лампочка на турникете загорается зеленым.

– Проходите, прошу прощения за задержку.

Часов на турникете уже и след простыл. Я киваю в знак благодарности и сливаюсь с массой народа. За спиной тают

слова охранника:

– Ему точно можно в таком виде...

Просачиваюсь с толпой в зал ожидания. Люди кривятся, отшагивают и зажимают пальцами нос. Чтобы лишний раз не распугивать народ, иду к концу платформы, там опираюсь спиной о массивный бетонный столб. Закидываю голову и смотрю на потолок, дожидаясь поезд. Тело ломит, а в голову приходит боль, пульсирующая в висках.

Через минуту слышится гудок и поезд въезжает на станцию. Иду к вагону, дожидаясь пока выйдет и зайдёт народ, захожу последним, плюя на «осторожно, двери закрываются».

– Осторожно, двери закрываются! – повторяют из динамика.

Двери захлопываются и я боковым зрением замечаю, как к поезду выбегает знакомый сотрудник, взмыленный от бега. Он видит меня, трясет часами, и что-то кричит, но поезд тронулся.

Понял, что продешевил?

Прохожу в конец вагона, сажусь напротив табло с названием станций. Несколько бабулек спешно пересаживаются, а девчонка в кепке, с розовыми волосами и большими наушниками, начинает на меня с интересом пялиться.

Хлоп!

Надувает и лопаёт пузырь жвачки.

Ехать порядка получаса, и я закрыв глаза, проваливаюсь

В сон.

Не тут то было.

– Господин, господин! – меня будит чей-то взволнованный голос.

Открываю глаза и несколько минут пялюсь на морщинистое лицо дежурной.

– Конечная, покиньте вагон, – грубо просит женщина.

Меня вырубил, выходит всю дорогу я спал.

Молча поднимаюсь и направляюсь к выходу, спотыкаясь уже не столько от выпитого, сколько от навалившейся усталости.

– Вещи не забывают! – окликает меня дежурная и вручает кепку, забытую розововолосой.

Объясняться нет сил, беру кепку, надеваю на голову и выхожу из поезда, по эскалатору поднимаюсь из подземки. Там оказываюсь среди каменных джунглей высоток, смотрящих друг другу в окна. При желании любой мало мальски физически подготовленный человек сможет перепрыгнуть из окна одного дома в окно другого.

Народу здесь тьма, натягиваю кепку пониже, избегая взглядов. В полутумане нахожу адрес, ноги сами приводят к подъезду, пальцы набирают нужный номер квартиры.

Представляться не пришлось, дверь открывается сама с противным, бьющим по ушам писком.

– Господин Юн, что с вами?

Не обращая внимание на какую-то старуху, на автомате

захожу в лифт, нажимаю двадцать пятый этаж. Дверцы закрываются перед носом обеспокоенной консьержки. Я уныло наблюдаю, как чередуются этажи на экране. Вверху поджидает узкий и длинный коридор с десятками дверей. Останавливаюсь возле нужной и стучу, совсем не зная, ждёт ли меня кто-то или я останусь в коридоре без ключей.

Дверь открывается, едва убираю руку. В пороге вырастает женщина в домашнем халате, некогда очень даже ничего...

Я заваливаюсь внутрь, сажусь на пуфик и молча снимаю туфли.

– Тебя уволили? Мне все уже сказали, Мао! И на что мы будем жить, на что будем платить ипотеку?

Пощечину не вижу, но щеку обжигает пятерней. Голову болтает, как у тряпочной куклы. Чувствую привкус крови во рту.

– Мао ты же говорил, что поборешься, обещал... – шепчет она, глаза наливаются слезами. – Господи, что эти жестокие нелюди с тобой сделали...

Она прячет лицо, в ладони, и убегает в совсем маленькую комнатку, захлопывая дверь. Оттуда слышится плач. Я также на автопилоте прохожу в ванную, которой оказывается узкая душевая кабина. Закрываюсь и даже не раздеваясь, становлюсь под струю холодной воды. Упираюсь ладонями в стену. Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Ледяная струя помогает окончательно протрезветь и собраться

в кучу. Пора включаться, Мао Юн.

* * *

Сегодня в кабинете шефа пахло Ramón Allones. Син Мин хорошо знал эти сигары по насыщенным кофейным тонам и ярким полутонам. Шеф курил крепкие рамоны тогда, когда был не в духе. Кубинские сигары вообще всегда были его страстью. У шефа была целая коллекция «кубинцев», которую сам же Син привез charterным рейсом из Кубы. Тогда шеф похвалил Сина и даже вручил премию..., а вот теперь Син не справился и разозлил своего босса.

– Ваше кофе господин, – пропищала длинноногая секретарша в короткой юбке.

Настолько короткой, что когда она нагнулась на стол, Син Мин невольно сглотнул.

Он переступил с ноги на ногу, не находя себе место и нехотя перевел взгляд на струящийся с кончика сигары синий дым.

– Желаете что-нибудь? – секретарша едва заметно коснулась руки Сина своими пальцами с изящным маникюром.

Секретарша, чье имя Син никак не мог запомнить, нарочито медленно провела своим языком с пирсингом между губами.

– Я буду тебя ждать, – раздался шепот ее страстного голоса, а утонченная рука легла на промежность мужчины.

По телу Сина как разряд прошел, но увы, теперь было не до развлечений, у Сина началась черная полоса. И времени на женщину, пусть даже на такую шикарную, как секретарша, у Сина не было.

– Прости, не сегодня...

Секретарша удивлено приподняла бровь, смерила Сина возмущенным взглядом и зацокала высокой шпилькой туфлей к двери. Син все-таки позволил себе обернуться, хотя бы на одно мгновение. А когда дверь за секретаршей захлопнулась, вздрогнул и вернул взгляд на босса.

Шеф сидел в своем кожаном кресле спиной к нему, а из динамиков умной колонки играла классическая музыка. Еще один верный указатель на то, что шеф расстроен.

Вот так Син уже стоял порядка десяти минут, в полной тишине, если не считать томную работу потолочного вентилятора и появление крошки секретарши. Шеф всегда предпочитал кондиционерам вентиляторы и не изменил привычки в новом офисе. Что делать, и сколько времени шеф будет молчать, Син не знал, зато хорошо помнил поговорку «лучше не злить господина начальника – целее будешь».

– Когда будет обещанная партия палладия? – сначала слышался треск, а затем по кабинету разлетелся скрежет металлического голоса.

Говорил шеф при помощи специального речевого аппарата. Пепел с сигары упал в пепельницу. И кресло бесшумно развернулось.

Син вытянулся по струнке, и застыв в позе оловянного солдатика, послушно уронил подбородок на грудь.

– Не могу сказать, господин Цан! – выпалил он, как пулеметную очередь.

Сину очень хотелось, чтобы босс понятно отреагировал. Повысил голос или ударил плашмя по лбу лезвием любимого меча цзянь. Но шеф молчал, а однолезвийный изогнутый меч (по слухам коллекционный клинок времен династии Сун) сегодня висел на стене.

Выглядел шеф гораздо хуже, чем обычно. Болезнь превратила некогда крепкого и физически одаренного мужчину в подобие египетской мумии. Только глаза горели прежним огнём. В свободной от сигары руке шеф держал пузырек с капсулами без маркировки. Пузырек перебирал пальцами и желтого цвета капсулы бились о его края, как в стиральном барабане.

Что это за капсулы, Син прекрасно знал – новейшие разработки катализаторов на основе палладия, упростившие технологию создания лекарств для борьбы с раком.

– Помнишь мой доклад про катализаторы, Син? – спросил шеф.

Син до сих пор не мог привыкнуть, что губы шефа не шевелятся, но при этом слышны слова.

– Стабильность металлокомплексных катализаторов за счет применения палладия повышена в сто раз, – отчеканил Син, не поднимая головы. – Увеличено время работы ката-

лизаторов, в течение которого сохраняются каталитические свойства, отсутствуют разложение.

Строки доклада Син выучил назубок, и по несколько часов повторял стоя у зеркала. Шеф требовал максимальной компетентности и ненавидел, когда собеседнику требуется время на ответ. Если не можешь ответить сразу – значит не думал о проблеме.

Снова повисла душная тишина. Син был уверен, что процитировал доклад один в один и шефу точно понравится. Но что-то пошло не так.

Клац!

Пузырек разлетелся о паркет. Капсулы брызнули в сторону, а одна из них прикатилась к носку начищенного туфля Сина. Побагровевший шеф вскочил с кресла и с перекошенным от ярости лицом смел со стола ворох документов, пепельницу и бронзовую статуэтку древнего императора.

– Хочешь замедлить стабильность катализаторов?!

– Никак нет... простите, извините, обязуюсь все исправить!

Син задрожал всем телом, крупной дрожью. Замедлять скорость катализаторов он не собирался. В анализах шефа появилась первая положительная динамика за последние много лет. Стало это возможно палладию, канал которого был налажен через корпорацию «Цяи групп». Был. До последнего времени. А потом пришли фанатики, как Син пренебрежительно называл материковых коммунистов. Потому

злость шефа была понятна, срыв поставок означал перечеркивание успехов ремиссии.

– Убирайся идиот! Вон! – процедил голос из динамика.

Нет, не было ни изменения тональности, ни тембра. Но Син видел, что шеф в ярости. У Сина зашевелились волосы на макушке... куда больше, чем криков, унижений и даже физических истязаний, он боялся увольнения.

Сину было хорошо за пятьдесят, но следующие двадцать лет своей жизни он обязался выплачивать ипотеку, за которую платил уже тридцать лет. И потеря работы приведет к просрочке платежа и грозит тем, что Син откажется на улице.

Позволить себе этого он не мог и был готов выполнять любые поручения шефа. И если тот скажет ему стоять на голове или ходить на руках, Син выполнит приказ не задумываясь.

– Приказывайте, что делать, – сквозь подкативший к горлу ком, выдавил Син.

Шеф сполз на кресло бесформенной массой, голова упала на плечо. И следующие слова, как показалось, звучали более миролюбиво, отчего у Сина приятно защекотало внизу живота.

– Он нам должен. Заставь его завершить сделку.

– А если откажется? – робко спросил Син.

Шеф не ответил, но тотчас пожалел о вопросе. Что делать с теми, кто не нравился шефу, Син хорошо знал.

– Слушаюсь господин – кланяясь, он вышел из кабинеты.

та, закрывая за собой тяжелую дубовую дверь, испещренную иероглифами.

Помощник Кан ожидал в конце коридора на скамье, но даже он не заметил, как резко изменилось лицо Сина, став вмиг жестоким и холодным. А опущенные плечи расправились.

– Кан! Дай телефон! – прогремел голос Сина.

Помощник вскочил, вытащил телефон и вытянув его перед собой, как знамя, бросился к Сину. У Кана тоже была ипотека, не двухкомнатный дворец, как у Сина, но Кан был человек простой..., а господин Син часто платил Кану премию за хорошо выполненную работу.

Подбежав, Кан вручил телефон господину, и тотчас получил затрещину. Ни за что, но у господина так бывает, Кану не привыкать. Син взял телефон и с перекошенным от гнева лицом набрал номер, подписанный цифрой «3». Послышались гудки.

* * *

Звонил телефон.

Настырно, угрожающе.

Трель звонка больно била по барабанным перепонкам госпожи Юн. Последнее время у нее часто болела голова. Стоило ей хотя бы немного понервничать, и боли усиливались, а никакие таблетки не помогали. Только вчера, к головной

боли прибавилась боль в шеи, в районе сонной артерии. Муж госпожи Юн обещал ей, что найдет лучших докторов в Гонконге, а если надо, отвезет жену в материковый Китай.

– Дорогая, я буду не я, если мы тебя не вылечим, – каждый раз говорил он и тем самым успокаивал жену.

Юн всегда держал данное слово и если сказал, что вылечит, то так и произойдет.

Два месяца назад муж действительно нашел докторов, госпожа Юн сдала анализы. Вот только до сегодняшнего дня не получила результаты. Муж все два месяца избегал этой темы, но по его лицу, госпожа Юн видела, что от нее что-то скрывают.

Все это очень сильно настораживало госпожу, но она связывала поведение супруга с проблемами на работе. Но сегодня утром, когда муж пошел на работу, она совершенно случайно обнаружила в выдвижной полке комода те самые анализы, а вместе с ними счет на огромные деньги... в голове госпожи Юн была обнаружена злокачественная опухоль.

Было больно, страшно, но госпожа Юн верила, что муж обязательно найдет выход. Сегодня она хотела поговорить с ним по душам. Но теперь, когда муж вот уже полчаса стоял в душе, госпожа Юн имела неосторожность поставить его телефон на зарядку, а когда тот включился, прочитала нехорошее сообщение... Счет мужа заблокировали.

Она никогда не лазила по телефону мужа, потому что не знала, что делать с информацией, которую можно оттуда по-

лучить. Теперь госпожа Юн на самом деле не знала, что делать. Вот только голова у госпожи стала болеть еще сильнее, а боль от шеи распространилась на воротниковую зону. Она понимала, что у ее мужа проблемы, но всю жизнь пребывая за его спиной, не знала, что делать и как ему помочь. Госпожа Юн решила, что это она причина всех проблем, и из-за надобности найти большую сумму, муж вляпался в неприятности.

Все эти мысли проскочили в голове за один миг. Госпожа Юн поднялась с кресла качалки, подошла к телефону и приняла вызов с неизвестного номера.

– Слушаю...

– Нам нужен господин Юн, – произнес безжизненный голос из динамика.

Госпожа почувствовала, как по ее спине пополз холодок. Звонил нехороший человек, плохих людей она всегда чувствовала.

– Его нет, – прошептала она, стискивая трубку.

– Передайте своему мужу, что у него крупные неприятности.

Вызов сбросили. Госпожа Юн вздрогнула, выронила телефон, и несколько секунд слушала короткие гудки. Она ведь знала, что...

Мысль осталась незакончена. Завибрировал мобильник мужа. Госпожа подбежала к столику, на котором лежал мобильник и на этот раз увидела звонящего – на экране застыла

цифра «8». Госпожа Юн догадалась, что звонит тот же самый человек, а когда вызов сбросили, пришло новое сообщение – мужу назначали встречу.

– Ой нехорошо это кончится... – прошептала женщина.

Потом взяла телефон, огляделась и бросила его на пол, глазами мокрыми от слез наблюдая, как старый телефон мужа разлетается вдребезги. По сериалам, которые госпожа любила смотреть, она знала, что через телефон можно отследить местоположение его владельца. Но этого госпоже Юн показалось мало. Она подошла к ящику с инструментами мужа, стоявшему под столом (в маленькой квартире его негде было хранить), достала молоток и несколько раз ударила по экрану телефона.

Она не даст своего мужа в обиду.

Глава 3

* * *

Слышу удары сквозь шум падающей воды. Судя по характеру звука, бьют тупым предметом по стеклу. Пытаюсь вспомнить, есть ли стекло на входной двери, потому что на звук разбитого окна не похоже. Мне в наследство достался ворох неприятностей. Пришли таки незваные гости?

Воду не выключаю. В голове всплывают строки старой детской китайской песенки. Понятия не имею, откуда ее знаю, но начинаю петь.

– Я одно большое яблоко. Кто из детей не любит меня?

Пусть думают, что я ничего не услышал. Враги должны убедиться, что имеют дело с пьяным идиотом. Тянусь к полотенцу, наспех вытираю ступни, чтобы не поскользнуться на плитке. Свободной рукой беру увесистый тюбик с пеной для бритья. Голову таким не проломить, но лучше, чем с пустыми руками.

– И душистое и сладкое и вкусное. Кожица сверху красная, красная, хороший цвет... – продолжая петь, проворачиваю замок на двери в душевую.

Приоткрываю дверь, прислонившись спиной к стене. Уда-

ры прекращаются, но раздается трель звонка стационарного телефона. Слышу топот ног, судя по звуку, они принадлежат не крупному человеку...

– А—а! – раздается отчаянный женский визг.

Выскакиваю из душевой, замахиваясь тюбиком пены для бритья, но рука с тюбиком так и застывает над головой.

Отбой.

Повышенный уровень опасности отменяется.

У столика со стационарным телефоном стоит жена, только вместо тюбика с пенной, у нее в руках молоток среднего размера. Схватив его обеими руками, она подняла молоток над головой и замахивается на стационарный телефон. Боковым зрением вижу на полу осколки мобильного.

Глаза у госпожи Юн выпучены, явно напугана, дышит тяжело, а волосы растрепанны. Выбрасываю тюбик, в два широких шага оказываюсь рядом с супругой и забираю молоток. Жена не отпускает, пытается пнуть телефон ногой. Не мое не жалко, но она на кой то черт разбила мобильник – вижу осколки стекла и пластика. Остаться совсем без связи – опрометчиво. Информацию нужно откуда-то брать. Нежно (если это применимо к подсечке) подсекаю опорную ногу госпожи Юн и усаживаю ее на диван. Прикладываю указательный палец к губам, глядя в ее широко раскрытые глаза, сам снимаю трубку с телефона.

– Слушаю!

– Ни хао, отец, – слышится дружелюбный голос из дина-

мика.

Жена не сдается, пытается укусить мою руку и добраться до телефона, у нее явно истерика. Прикрываю динамик ладонью.

– Сын звонит. Дай поговорить.

Жена вздрагивает, губы искривлены и напоминают две тонкие полоски-нитки, на мокром месте глаза. В ответ коротко кивает и бежит в душевую. Пусть, заодно выключит воду.

– Ни хао, сын, – возвращаюсь к разговору.

О том, что у меня есть сын или любые другие дети, не знаю совсем ничего. Даже не могу припомнить имени отпрыска. Но судя по структуре голоса, резонансу, типу и слышимости, сын взрослый, около тридцати. Тембр и экспрессия подсказывают, что он уверен в себе, и идет по жизни уверенно.

– У вас с матерью все в порядке? – следует вопрос после паузы.

Слышу из динамика посторонние звуки – автомобильные гудки.

– Порядок, – бросаю взгляд на часы, начало десятого вечера.

Скорее всего, сын едет с работы. В машине, но не за рулем, и точно не автобусе – мгновение и шум дороги исчезает, поднялось стекло.

– Хотел поговорить по видеосвязи, но ни ты, ни мать не берете трубку. Абонент не абонент.

– Все в порядке. Были неотложные дела, – отвечаю общими фразами.

– Уверен, что все в порядке, отец? Мне звонили из банка.

– На тему?

– По твоей ипотеке не поступил платеж...

– Когда дата платежа?

– Сегодня, – отпрыск делает очередную внушительную паузу. – Хотел скинуть перевод, но в банке сообщили, что твой счет заблокирован... Ли вот здесь налево, к ресторану, останови напротив входа.

В купе с предыдущим анализом делаю вывод, что сын едет с водителем.

– Пап, я как и обещал, встречаюсь обсудить твой переезд в Китай с серьезными людьми. Мне выделили место по правительственной квоте! – с гордостью сообщает сын. – Как у тебя на работе? Тебя отпустят? Ты говорил, что решишь этот вопрос и оформишь командировку.

– Решил, – подтверждаю данное не мной обещание. – Меня сегодня уволили из корпорации.

Тишина по ту сторону линии едва не скрипит.

– Я ведь говорил отец, что будет так, – голос отпрыска меняется. Чувствую, что новость выбивает его из колеи. – Ты верил в то, во что верить нельзя!

Растерянность меняется злостью.

– Лупоглазым нельзя верить, отец, сначала нас предала Британия, потом Штаты!

О политической ситуации я еще не осведомлен. Но, судя по словам сына, у них с отцом случались споры на эту тему. Не выхожу из образа.

– Это разные вещи, сын.

– Нет ты думаешь, что они разные! Брат тоже говорит, что партия зажимает свободы. Я тебе тогда еще говорил, посмотри на Афганистан! Потому извини, отец, я лучше с партией, чем как и ты останусь у разбитого корыта! У меня зарплата миллион долларов и я как-нибудь потерплю зажимы! Благодаря партии я выучился и пошел в нишу контроля ценных бумаг финансового рынка...

– Имей совесть, – перебиваю, чтобы заставить его нервничать и выдать больше информации.

– Совесть? Да совесть у меня послушная собака, а не бешенная, – заводится сын. – Только из-за твоей упертости я не смогу забрать вас с матерью...

Кладу трубку. Ничего полезного из разговора больше не получить. Понятно, что сын хорошо устроен. И на лицо конфликт на политической почве, сын пытается убедить, что со мной сработало старое правило – что посеешь, то и пожнешь. Вводные более менее ясны. Я сделал по жизни ставку не на ту лошадь. И то, что происходит сейчас – последствия неправильной политической позиции. Любопытно, что для переезда из Гонконга требуется командировка... видимо по другому нельзя?

Отсюда напрашивается второй вывод. Политика касается

человека только тогда, когда он имеет соответствующий социальный статус. Значит господин Юн отнюдь не маленькая сошка, отсюда и интерес к моей персоне. И сложности с возможным переездом.

Снова звонит телефон. Наверняка сын посчитал, что сорвалась связь. Беру трубку.

– Ни хао, отец... – вместо голоса сына слышится голос дочери. – Я на месте, наша встреча в силе?

Понимаю, что у меня как минимум трое взрослых детей, что также косвенно подтверждает мое финансовое благополучие.

– Мама дома? – спрашивает дочь

– Лиджуан, – имя дочери всплывает само по себе, видимо с ней у меня куда теплее отношения, чем с сыном. – Мама сейчас не может говорить.

– Ей снова плохо, да? А ты... ты приедешь? Я жду тебя. Это очень важно, отец! Мне удалось переговорить с господином Яном, как ты и просил. А еще я привезла тебе из Пекина гостинцы!

Лиджуан сообщает адрес. Запоминаю, кладу трубку и обещаю прийти на встречу. Из душевой все еще слышны всхлипы жены. Ей нужно дать время успокоится, сейчас из нее не выудишь ничего.

Поэтому – решено, отправляюсь по указанному адресу. Возможно, дочь расскажет больше информации, тем более зацепка есть. Пока же чувствую себя как рыба, выброшенная

на берег. Информационный голод гложет.

В шкафу нахожу потрепанный костюм с вытянутыми коленями. Замечаю на тумбе несколько купюр, сгребаю, кладу в карман и иду на выход. Но прежде выключаю телефон, чтобы жена не разнесла его к чертовой бабушке. Перед дверью смотрю в зеркало... в отражении медленно качает головой обрюзший и неопрятный старик. Конечно, с собственным внешним видом надо что-то делать.

* * *

– Представляешь, я столько лет не видела своего отца, – вздохнула Лиджуан, и трубочкой принялась толочь лед в коле без сахара.

– Боишься не узнать? – Бию тоже не оставалась без дела, энергично сосала через трубочку коктейль с таким усердием, что желваки ходили на скулах. – Ли, а фотки отца у тебя нет? У меня хорошая память на лица. Узнаю сразу, даже если раньше видела мельком.

От вопроса подруги Лиджуан едва заметно вздрогнула, так что лед в стакане звонко стукнулся о стекло. И даже на всякий случай перевернула телефон экраном вниз.

– И что ты ему будешь говорить при встрече? – захлопала глазками Джу, – Я помню, как всего через полгода учебы вернулась домой и поняла, что разговаривать с родителями мне категорически не о чем! Словно я не их дочь, а они не

мои папа с мамой.

Лиджуан, Бию и Джу учились на втором курсе одного из старейших вузов страны – в Пекинском университете, также известным под сокращенным названием «Бэйда». И факультетом, на котором все трое учились, он гордились по праву – факультет международных отношений. На факультете помимо прочего, активно излучались принципы деловых (и не только) переговоров.

На практических занятиях, которые были обязательны в дисциплине, Лиджуан всегда показывала высокие результаты. Она уверенно брала вверх в спорах, всегда подбирала необходимые аргументы и вообще в коммуникациях с людьми, чувствовала себя, как рыба в воде.

Вот только сейчас Лиджуан будто проглотила язык и чувствовала себя скорее как рыба, выброшенная на берег. Как никак, это была ее первая встреча с отцом за последние четыре года.

С тех пор, как юная Лиджуан уехала на материковый Китай, они не разу не виделись и даже не созванивались. Отец всегда был категорически против ее учебы в «логове коммунистов», как он называл «Бэйда». А еще папа категорически твердил, что его любимая дочь для него теперь умерла. И единственным напоминанием о нем, была скупая открытка без подписи. То, что открытка от отца, Лиджуан знала по изображению плюшевого мишки, раньше отец называл ее медвежонком. Лиджуан сильно обижалась на отца и сле-

дующие две открытки отказалась получать, приняв решение, что отца для нее отныне больше не существует.

С тех пор многое изменилось. Отец сильно сдал, сама Лиджуан повзрослела, а главное – для ее родного Гонконга настали не лучшие времена. Поэтому Лиджуан немало удивилась, когда отец позвонил ей сам...

– О чем задумалась? – будто сквозь толщу воды слышался голос Бию.

Она высосала половину молочного коктейля и решила дать передых своим скулам.

– Да так, – отмахнулась Лиджуан. – Кола в Гонконге какая-то невкусная.

Раскрывать истинную причину своего беспокойства она не собиралась даже лучшим подругам, которым, казалось бы, безгранично доверяла.

– Не зря говорят, что наши лупоглазые «союзники», – Джи быстро согнула и разогнула оттопыренные указательный и средний пальцы на обеих руках. – Водят нас за нос!

Один из посетителей кафе за соседним столиком услышал эти слова и взяв свою тарелку с лапшей демонстративно развернулся от подруг вполоборота. А еще и что-то неразборчиво фыркнул в добавок. Правда Лиджуан особо не прислушивалась. Такие вот «фи» за последнее время стало настолько же привычны, как утренняя чистка зубов.

– Джи, не забывай, что мы в Гонконге, ага, – Бэй сделала замечание подруге.

Та только закатила глаза. Спорить они продолжили, но Лиджуан снова отвлеклась. В кафе зашел мужчина под пятьдесят, с сединой в висках и небритостью на лице. Мужчина совсем недавно был избит, о чем свидетельствовали кровоподтеки на его лице.

Лиджуан было напрягалась, но обошлось – мужчину она не знала. Он с обреченным видом держал в одной руке табличку «помогите купить билет в Пекин». В другой – стакан для мелочи, в котором даже нашлось место нескольким смятым купюрам. Посетители всячески его сторонились, не скрывая брезгливости, а тот, который сидел вполоборота к столику студенток, сунул в стакан попрошайке купюру.

– Бывший директор «Гонконг Электроникс», – слышался шепот со стороны.

Заслышав эти слова, попрошайка осунулся. В его глазах застыли слезы, а за ними повисло полное разочарование в этой жизни. Он потупив взгляд направился к выходу, даже не успев подойти к столику студенток. Такое Лиджуан тоже видела не первый раз. С управленцами старой закваски в новом Гонконге теперь никто не церемонился.

– Господи, да что же все они здесь такие конченные! – пренебрежительно фыркнула Бэй.

И не заметила, как при этих словах Лиджуан втянула голову в плечи.

– Директор, да какой он директор, если на билет в Пекин не может заработать! Нищета! И вообще, неужели нельзя

нормально одеться! Его же даже в поезд в таком виде не пустят... – Бэй брезгливо вытерла руки влажной салфеткой. – Правильно делают, что давят таких, словно клопов!

Лиджуан от слов старой подруги сделалась еще грустнее. Отец Бэй был важной шишкой в партийной номенклатуре, тогда как папа Лиджуан... она гнала подальше не самые приятные мысли.

А еще ее отец стал другим, жутко запустил себя, но Бэй и Джи хотели непременно познакомиться с господином Юном. Лиджуан всегда говорила, что ее отец крупная шишка, но кое о чем умалчивала. И теперь попросту не знала, что делать со всем этим. К тому же Лиджуан отчетливо понимала, что не она одна скрывает правду. Папа и мама ей также что-то не договаривали. Слишком разительными были перемены за последние несколько месяцев. На это же Лиджуан указал ее парень, сотрудник одного интересного направления в столице...

* * *

Дверцы автобуса открылись и народ буквально вынес меня на остановку.

Кафе называлось «Терапи». Имело ли название смысл, я не знал, но мой взгляд тотчас зацепился за яркую вывеску.

Вместе с толпой подхожу ближе к панорамным стеклам общепита. Никогда не понимал интереса быть рыбкой в ак-

вариуме. Когда на тебя глазеет куча народа, кусок не лезет в рот, но это наверное профессиональная деформация. В кафе много народа и никого ничего не смущает. Пока иду, подмечаю, что выше примерно на пол головы среднестатистического китайца. Не знаю, является ли это преимуществом или наоборот недостатком.

Останавливаюсь возле столба с кучей указателей. Прислонившись, осматриваю столики, не имея ни малейшего понятия, как выглядит собственный отпрыск. В кафе немало молодежи, поэтому узнать, кто из них моя дочь – проблематично. Расчет на то, что снова сыграет отцовский инстинкт и расчет оказывается правильным. Среди всех мой взгляд притягивает миниатюрная брюнетка и что-то начинает тянуть вниз живота. Что-то очень похожее на тоску по родному и близкому человеку. Странное чувство, когда головой ты понимаешь, что видишь человека впервые и совершенно точно не испытываешь к нему чувств, но родительский инстинкт говорит совсем обратное. Интересно, подобные ощущения испытывают дети и родители, встретившиеся через время?

Лиджуан хороша собой, никогда бы не подумал, что у моего нынешнего тела такие хорошие гены. Шикарные черные волосы, туго переплетенные в косу. Большие зелёные глаза и белоснежная кожа.

При этом Лиджуан явно обеспокоена и чем-то расстроена. Вижу тревогу на ее лице. За столом с дочерью две подруги, но сидят спиной ко мне, лиц не вижу. Дочь тяжело вздыха-

ет и смотрит на какого-то оборванца-попрошайку, который выходит из кафе. Она медленно переводит взгляд на окно и я делаю приставной шаг, уходя из-под ее взгляда. А отшагивая едва не сталкиваюсь с пожилой женщиной в теле, та опирается на костыль и ведет на поводке хина. О него я и споткнулся, едва не раздавив.

– Развелось вас тут, – фыркает старушка и презрительно смеряет меня взглядом. – Ничего, партия быстро отучит от тунеядства!

Никак не реагирую. Вижу свое отражение в окне остановившегося на остановке автобуса. Выгляжу я действительно крайне скверно, хотя одежда чистая – мешковатые поношенные брюки, пиджак будто с чужого плеча, латанный перелатанный. На голове кукушка свила гнездо из седых волос. Осунувшиеся плечи... нет в таком виде я только опозорюсь, а также опозорю собственную дочь, которая к тому же не одна.

Сейчас выгляжу ничем не лучше того попрошайки, от вида которого Лиджуан пришла в ужас.

Решено.

Отлипаю от столба и, прихрамывая, иду к другой манящей вывеске местного магазина со шмотками. Туфли, которые носил прежний Юн, ужасно неудобные и жмут. Сумму из, единственные деньги, которые остались в загашнике, следует потратить на собственный внешний вид.

Звенит колокольчик на дверях магазина одежды. Посети-

телей внутри нет, вдоль помещения стоят ряды, увешанные строгими костюмами, ряды с рубашками и обувью. Две продавщицы перестают щебетать, отставляют кружки с черным кофе.

Одна бежит за кассу на рабочее место. Вторая оборачивается на звук колокольчика, одновременно натягивая фальшивую улыбку. Но при виде меня, улыбка блекнет. Чего такой нищеврод забыл в бутике?

– Алкогольный магазин через дом, – воркует она хорошо поставленным голосом. – Вы, наверное, ошиблись дверью!

Ничего не отвечаю, подхожу к стойке с кассой, одновременно достаю пачку купюр из внутреннего кармана пиджака. Кладу на стол.

– Надеюсь, здесь хватит, чтобы переодеться.

Продавщица нехотя косится на столешницу, ее лицо становится более дружелюбным. В деньгах мне еще предстоит разобраться. Но, судя по всему, сумма неприкосновенного запаса достойная.

– Как могу к вам обращаться, господин? – меняет риторику продавщица.

Кассирша перевешивается через столик и что-то шепчет коллеге. Та удивленно кивает, косясь на меня.

– Простите, что не узнали, господин Юн, – она отвешивает полупоклон.

Не знаю, откуда кассирше известно мое имя, но та сама вскрывает карты:

– Мой отец работал в «Цяи групп», – смущено заявляет она. – И я слышана о вас!

– Надеюсь, что только хорошее? – улыбаюсь в ответ.

– Только хорошее, господин Юн.

– А где твой отец сейчас?

– Занимается своим делом, вы в его бутике... Вам помочь с выбором, господин?

Киваю. Мало того, что не знаю здешних цен, так еще понятия не имею о моде. Если одеться на свой вкус, можно превратится в павлина и фрика. Такое внимание мне точно не понадобится.

Цокают каблук, продавщица кивком зовёт меня следовать за ней. Иду следом, окидывая взглядом манекен, застывший как стражник между торговыми рядами. В принципе, что-то такое, как на манекене надето сейчас, можно примерить на себя. Приталенный пиджак, брюки сужаются к щиколотке...

Пока отвлекаюсь, продавщица делает свою работу – несколько костюмов тащит в раздевалку.

– Вот то, что вам наверняка подойдет, господин Юн. Обязательно примерьте все! Вы не будете разочарованы.

Ладно... женщины куда лучше мужчин знают толк в шмотках, решаю довериться.

Беру всю охапку, захожу в раздевалку. Девчонка, которой чуть больше двадцати, помогает развесить костюмы на крючки. Закончив, задергивает шторку.

Остаюсь один на один перед зеркалом с кучей новых вещей. Терпеть не могу примерки, но тут придется переступить через себя. Со вздохом снимаю замызганный пиджак, расстегиваю рубашку, глядя в зеркало.

Все не так плохо, как казалось на первый взгляд. Несмотря на возраст, у меня неплохо развитое тело, в определенном ракурсе даже видны кубики пресса. Значит, предшественник ходил в какой-то зал, уже радуется.

Другой момент, ходил он туда явно не для того, чтобы потом пользоваться благами развитой мускулатуры. Как говорится, в здоровом теле – здоровый дух, и господин Юн фитнесом скорее укреплял собственную работоспособность. Все же из тела, за которым следят, можно выжать куда больше соков...

– Господин Юн! – продавщица одергивает шторку примерочной.

Я оборачиваюсь в расстегнутой рубашке, она осекает.

В ее руках еще один костюм. Вижу, как глазки на секунду скользят по моему торсу, на лице вспыхивает румянец.

– Простите, не думала, что вы уже успели раздеться, – сбивчиво шепчет она, смотря себе под ноги.

– Все в порядке. Я только пуговицы расстегнул.

Забираю еще один костюм на примерку.

Времени на разговоры нет, задерживаю шторку примерочной. Раздеваюсь до конца, костюм и рубашку складываю в угол бесформенной кучей. Примеряю новые вещи.

Ничего общего с тем, что я видел на манекене, предложенное продавщицей не имеет. Фасон прежний, только вещи новые. Поэтому картинка, которую вижу в отражении, меняется незначительно. Остальные вещи в примерочной собраны по тому же принципу.

Все-таки насколько важно первое впечатление. Впечатление, произведенное мной, оставляет желать лучшего: продавщица изначально увидела во мне стремительно стареющего мужчину, зато с размером подгадала, видимо, наметанный взгляд.

Ладно, если хочешь сделать хорошо – сделай сам. Одергиваю шторку, забираю манекен в примерочную, и там нагло раздеваю. Девчонки переглядываются, но никак не комментируют. Видимо решили, что старик спятил. Вот и посмотрим.

Через минуту вижу в зеркале совсем иную картину и даже невольно расправляю опущенные плечи. В зеркале совсем другой человек. Я как будто помолодел на десять лет сразу и больше не напоминаю стареющего мужчину со скверным вкусом. Теперь я похож на статного мужчину в возрасте. Но есть одно но... все это так, если убрать голову с гнездом седых волос, щетиной и отросшими бровями.

Чтобы понять порядок цен, ищу ценник. За костюм просят семь тысяч гонконгских долларов. У меня в пачке без малого десять тысяч. Критично, останусь совсем бед денег, потому что к костюму еще нужна рубашка и туфли. Но дру-

того варианта все равно нет.

Переодеваюсь в старье и иду на кассу. Пока девчонки возятся с бирками, подбираю туфли и рубашку. Выходит на девять с половиной тысяч гонконгских долларов. Но девчонка продавщица со все еще не сошедшим румянцем просит кассиршу провести какие-то манипуляции и пробивает скидку в сорок процентов – заверяет, что ее отец всегда делает скидки друзьям.

Ценник в итоге чувствительно снижается.

– Уверены в выборе господин Юн? – все же спрашивает кассир.

Продавщица лишь тупит взгляд, ярче вспыхивая румянцем.

– Оплата наличными, – подтверждаю выбор.

Вещи складывают в фирменный пакет.

– Носите на здоровье, господин Юн. И если решите снова обновить гардероб, у нас каждые три месяца новая коллекция.

– Спасибо большое, обязательно зайду.

С пакетом выхожу из бутика, далее иду в торговый центр, в котором располагается кафе, где сидит дочь с подругами. По старой привычке, приехал заранее, поэтому время есть.

Захожу в супермаркет, набираю в корзину пену для бритья, бритву, ножницы одеколон и шампунь. На кассе возле меня вырастает охранник. Говорить ничего не говорит, но выкруживает коршуном.

Пусть... кладу на кассе наличные, и, скользнув взглядом по указателям, отправляюсь в уборную.

Понимаю, что охранника заинтересовал пакет из фирменного бутика. Он подносит рацию к губам, что-то говорит коллегам. Я, не обращая внимания, захожу в уборную. Как ни в чем не бывало, достаю принадлежности, начинаю бриться.

Посетители косятся, но ничего не говорят.

В раковину осыпается щетина. Бреюсь аккуратно, в прошлой жизни я не доверял барберам. Парикмахерам тоже, в раковину падают локоны остриженных волос.

– Вот посмотри, как делает дядя, и никогда так не повторяй, – слышу сквозь звук падающей воды мужской голос.

Голову мою тоже тут, оборачиваюсь взмыленный и вижу, как напротив меня застыл мальчик лет пяти, держащий за руку своего дедушку.

– Не стыдно? – старик демонстративно сплевывает себе на ноги и тащит внука за руку прочь. – Позорник!

Я коротко пожимаю плечами, смываю шампунь и сушу голову под сушилкой для рук. Стоя возле зеркала, причесываюсь, потом переодеваюсь в новые вещи.

Старую одежду засовываю в мусорный контейнер – она больше не понадобится.

Выхожу из кабинки и направляюсь к выходу.

– Заросший, в обносках... – тот самый охранник что-то объясняет своим коллегам, их собралось аж трое. – Уверяю, что он украл вещи, поэтому как выйдет – вяжем...

Я прохожу мимо них, охранники замолкают и кланяются в знак уважения.

– Хорошего отдыха, господин!

Коротко киваю в ответ.

Теперь я готов к встрече.

* * *

Муаень, консультант-продавец модного гонконгского бренда, настолько впечатлилась последним покупателем, что не находила себе места. Вот бывает же так – оболочка человека и его внутреннее содержание не совпадают; и на господине Юне это особенно видно. Отец столько рассказывал о феноменальном таланте господина Юна, что в какой-то момент Муаень показалось, что никакого Юна на самом деле нет. Но вот же, теперь Муаень увидела его своими глазами!

Чтобы отвлечься, Муаень решила пойти на обед. На обеде она всегда покупала капучино из автомата и круассан. Сегодня она не стала изменять своим привычкам. А заодно захотела позвонить отцу, и рассказать, что видела его бывшего начальника.

С этими мыслями, Муаень дождалась пока автомат приготовит кофе и принялась энергично размешивать сахар пластмассовой ложкой. Впереди послышались чьи-то шаги и Муаень на секунду подняла взгляд, нахмурилась удивленно, увидев уверенно шагающего по торговому центру мужчину.

Уверенная походка, расправлены плечи, одет с иголки и, как это нечасто бывает, но бывает – костюм идеально сидит по фигуре.

А потом, чуть всмотревшись, Муаень узнала этот взгляд и от испуга выронила бумажный стаканчик.

Муаень как в замедленной съемке видела, как мужчина коброй устремился вперед и поймал его в нескольких сантиметрах от пола, ни одной капли кофе не пролилось:

– Осторожнее.

– Вас не узнать господин Юн...

– Спасибо за помощь. Я старался, но без вас бы не справился.

Господин Юн направился ко входу в кафе, а Муаень, сгорая от нетерпения, вытащила мобильник и набрала отца.

Глава 4

* * *

Дверь в кафе едва слышно скрипнула. Захожу, улавливая приятные запахи кафетерия. Пахнет свежей выпечкой и шоколадом, а еще ароматизированными свечками с запахом лотоса.

Оглядываюсь. Здесь тщательно следят за антуражем. Внутри, несмотря на высокую пропускаемость, царит чистота и уют. Наверное, потому в кафе не протолкнуться и посередине дня нет свободных мест.

Готовят здесь тоже вкусно, судя по всему. Впрочем, мои дамы сидят за четырехместным столиком, одно место для меня девчонки предусмотрели (правда сейчас на нем лежат дамские сумочки, а подружки о чем-то увлеченно болтают).

Иду напрямик через зал, когда передо мной вырастает миловидная китаяночка с глазами олененка Бэмби и фиолетовым пирсингом в носу. Хлопая густыми ресницами, она расплывается в обворожительной улыбке, прижимая к груди здешнее меню. Пленка от меню поблескивает отражением потолочных светильников в форме китайских драконов.

– Господин, прошу прощения, все места заняты, но вы мо-

жете заказать еду на вынос, – пропевает она мелодичным голосом, немного картавя.

Протягивает мне ламинирование меню и продолжает таторить заученные фразы, которые за день повторяет много раз.

– У нас действует сезонная акция – пончики с имбирем, при покупке двух пончиков мохито абсолютно бесплатно! Насладитесь вкусом гонконгского лета!

– Меня уже ждут, – качаю головой, показывая на столик с девчонками.

Дочь сидит ко мне спиной, своего отца не видит, а одна из ее подруг, посасывая кока-колу через трубочку, останавливает на мне взгляд. Рассматривает меня с прищуром и даже неким любопытством. Чего это вдруг я тыкаю пальцем в их стол?

– А еще у нас сегодня скидки на полдники...

Официантка продолжает сыпать заученными фразами про удачные комбо с терамису и облепиховым чаем, но я иду к столику. Не знаю, когда ел последний раз, но не чувствую голода, а вот от крепкого кофе не откажусь.

– Эспрессо без сахара, – делаю напоследок заказ, продолжая играть в гляделки с подружкой дочери.

Знакомы, нет? Вот сейчас и узнаем, потому что навскидку не получается припомнить.

– Сейчас сделаем, – сконфуженно принимает заказ официантка, которой я не дал договорить «скрипт». – С сахаром

или сироп в кофе добавить?

– Имбирный пряник, – вспоминаю первый пришедший в голову сироп. – И побольше, пожалуйста.

Сладкое помогает работе мозга, а мне сейчас нужно, чтобы голова работала на полную.

Подхожу к столику и демонстративно кашляю в кулак, чтобы привлечь внимание к собственной персоне.

– Милые дамы, не против, если я к вам присоединюсь? – смотрю на брюнетку с розовой прядью волос, приподнимаю бровь.

Девчонки смущено переглядываются. Понимаю, что до сегодняшнего дня дочь не знакомила меня с подругами, по крайней мере с этими двумя. Тем лучше, в том виде, в котором я приехал сюда, рядом с молодыми особами противоположного пола лучше было не показываться в принципе. Может, в лицо и не скажут ничего ни мне, ни дочери, но вот в компании других поднимут на смех. В таком возрасте мнение со стороны критично.

Девчонки смущаются, а Лиджуан, услышав мой голос, вздрагивает и медленно оборачивается. Интересно, почему дочь взяла на встречу с отцом своих подруг? А вот сейчас и узнаю, гадать все равно бесполезно.

Лиджуан разворачивается и наконец видит меня. Выражение ее лица такое, как у археологов, впервые откопавших египетскую мумию.

– Здравствуй... – ее губа начинает невольно дрожать от

волнения, она добавляет чуть тише. – Отец... я... я думала ты не придешь...

– Здравствуй, Лиджуан, – отвечаю я.

Стою, ожидая, что дочь захочет обняться (тем более если мой приход стал для нее сюрпризом), но та только перекладывает сумки на подоконник, чтобы я мог присесть. Ладно, видимо такие у меня отношения со своим чадом... отодвигаю стул, присаживаюсь рядом с Ли, обвожу взглядом подруг.

– Господин Юн, я так рада познакомиться с вами живьем, – любительница колы и трубочки театрално заламывает руки на груди. – Меня зовут Бию, с Ли мы дружим с первого курса не разлей вода! Она много рассказывала о вас! Говорила, что вы влиятельный и успешный человек...

Понятно, любит поговорить, ей только дай возможность, и потом будет не так-то просто заткнуть, пока не наговорится. Это хорошо, в ситуации почти полного неведения, в которой я оказался, лишняя информация явно не повредит. А отец у Лиджуан, судя по известным мне вводным, действительно человек успешный и влиятельный... был. Когда-то. Теперь ситуация пошла под откос.

– Взаимно, – коротко киваю Бию, сдержанно улыбаясь одними кончиками губ.

Перевожу взгляд на вторую подружку, чтобы поприветствовать ее. Та в отличие от Бию сразу отводит взгляд – жутко стесняется, отчего у нее на щеках вспыхивает густой румянец.

мянец.

– Это Джу, – представляет ее дочь, видя смущение подружки.

Джу еще сильнее краснеет, начинает теревить салфетку пальцами с маникюром френч. На каждой ногтевой пластинке нанесен иероглиф. Задумка оригинальная, наверняка если соединить пальцы, то можно прочесть какое-то слово или даже фразу. Но мне этот ребус пока не поддается, потому что Джу сжимает кулак, впиваясь ногтями в ладонь.

– Приятно познакомится, – заверяю я ее.

Стесняется жутко. А ведь только что сидела и непринужденно болтала с подругами.

Обращаю внимание, что на столе, прямо на салфетке чей-то рукой набросано подобие бизнес плана. Любопытно. Девчата явно не теряют времени даром.

– Это мы помогли Джу разработать бизнес стратегию, – Бию ловит мой взгляд и первично вводит в курс дела. – Стартап по внедрению интернет-эквайринга!

– Какая задача? – показываю заинтересованность, но прежде всего зову поддержать разговор и расположить подруг дочери.

– Создать единую систему оплаты между Гонконгом и остальным Китаем. Понимаете, сейчас существуют сложности конвертации, разные валюты...

– Биржа контролируется государством? – уточняю у Бию.

– Да...

Короткий кивок, беру карандаш и в бизнес плане на салфетке, вычеркиваю один из пунктов по части конвертации.

– При торгах, контролируемых государством, происходит фиксация курса регулятором, а значит нет необходимости делать запрос на биржу. Курс доллара к юаню известен заранее и колеблется не более чем в десять процентов в разрезе отчетного периода. Установка фиксированного курса обмена в системе удешевит процесс и ваше предложение закупать валюту заранее потеряет актуальность, что разгрузит расходную часть.

Бию удивлено хлопает глазами. Джу тоже удивлена, а Ли громко сглатывает.

– Эспрессо с имбирным пряником! – перед столом вырастает официантка. – Желаете что-то еще?

Мельком скольжу взглядом по меню, чтобы понять здешний порядок цен. Эспрессо стоит пятнадцать гонконгских долларов, капучино уже двадцать пять, а тирамису все сорок. Денег у меня кот наплакал на сухом остатке, но оплатить счет хватит.

– Возможно чего-то желают дамы? – мне не хочется есть от слова совсем, да и позволить покупать пирожные для себя любимого по сорок местных баксов за штуку – излишне.

– Спасибо, отец, но мы тут давно и уже объелись, – заверяет Лиджуан.

– Что ж, тогда я закрою счет.

Простая арифметика после поверхностного анализа со-

става заказанных блюд, подсказывает, что оставшейся суммы мне хватит. Даже еще сотня долларов останется. Официантка отправляется за кассовым аппаратом, когда Бию спохватывается.

– А вот я от кофе с имбирным пряником не откажусь, – она заламывает руки у груди, и втягивает ноздрями аромат эспрессо. – Можно повторить, милая? Господин Юн, у вас отличный вкус.

Она игриво часто моргает, явно пытаясь мне понравится. И отправляется вслед за официанткой.

Джу поднимается, шепча под нос про уборную, салфетку с бизнес планом берет с собой, на время оставляя нас с дочерью вдвоем. Несколько секунд за столом висит тишина. Ли явно не знает, что мне сказать и вообще с чего начать наш разговор. Чтобы хоть как-то успокоится, дочь помешивает ложкой в почти пустой кружке.

От бесполезного дела Ли отвлекает сообщение на мобильный телефон. Замечаю, что она держит гаджет экраном вниз – явно не хочет, чтоб сообщение читали посторонние.

Кстати, вопрос – посторонний ли для нее я? Делаю вид, что не обращаю внимания на вибрацию мобильного. Ли резче чем следует хватает телефон – руку выбрасывает быстрее, чем кобра делает бросок. Молниеносно прочитывает сообщение и, опять же сильнее чем следовало бы, кладет телефон на столешницу. Снова экраном вниз.

Боковым зрением я успел прочитать пару строк из попу-

лярного в Китае мессенджера:

Ли, сука, я тебя поймаю и прикончу!

Облизываю губы, непроизвольно сжимаются кулаки. По тому, что я успел заметить, писал какой-то парень..., но кто это и почему так пишет, делиться Лиджуан не хочет. Иначе бы не бросала телефон. Любопытно еще вот что: на заставке у дочери мое лицо. В виде «до» сегодняшних изменений...

– Это что? – от моего взгляда не уходит кровоподтек на запястье Ли.

– Так, ударилась, – нервно пожимает она плечами.

Правду не говорит.

Я не спорю, хотя на удар кровоподтек не похож: если приглядеться получше, видны следы пальцев.

Банальная логика подсказывает, что «автор» кровоподтека – тот упырь, который угрожает моей дочери по переписке. И девчонок она взяла с собой потому, что боится, что этот мужик перейдет от слов к делу? А встреча со мной нужна потому, что Ли решила пожаловаться на придурка?

Вряд ли, не отнекивалась бы.

– Пап, ты в порядке? – наконец, шепчет она. – Я знаю, что произошло. Мне писала мама. Спасибо, что пришел, но... тебе лучше уйти, пока не вернулись девочки. Не обижайся, мы чуть позже поговорим.

– Почему? – приподнимаю бровь и решаю, что будет правильным не ходить вокруг да около, а спросить прямо. – Ты не рада меня видеть, Лиджуан?

Ответить она не успевает. С чашкой эспрессо в руках возвращается Бию. Вижу, что Ли меняется в лице. Происходящее ей явно не нравится.

– Очень вкусно, господин Юн! – восхищается подружка дочери. – Наверное ваша секретарша всегда делает или она у вас не одна? Хотя в бирюзовых компаниях наверное нет секретарш? Как же круто быть владельцем настоящей бирюзовой компании, у вас совершенно уникальные знания, которые пригодятся в любом бизнесе.

С этими словами Бию с наслаждением вдыхает воздух, мечтательно прищуриваясь.

Кошусь на дочь, та отводит взгляд, чтобы често себя занять разглаживает джинсы.

Похоже здесь что-то происходит. Либо я кое-чего о себе не знаю, либо Ли донесла до подруг неверные сведения.

– Господин Юн, Ли много рассказывала мне о вашей работе, – продолжила Бию. – И вы знаете, у меня возник вопрос! Могу ли я рассчитывать попасть в вашу компанию на практику? Как вы видели, мы с девчатами очень хотим открыть свой бизнес, чтобы приумножить сбережения семьи...

Девчонка, уперлась обеими локтями о стол и положила подбородок на ладони. Смотрит на меня, как удав на кролика.

Понятно, что ее слова озадачили. Не знаю, рассказывала ли ей Лиджуан или она сама выдумала, но я (прежде выждав короткую паузу на то, чтобы дочь разъяснила ситуацию) вы-

кладываю Бию все как есть, без остатка:

– У меня сейчас нет работы, и ни на какую практику я не смогу тебя взять, – говорю я, глядя Бию прямо в глаза.

– Как нет работы? – удивляется она. – Заказов нет? Или... ха, я кажется поняла, господин Юн, у вас нет работы соответствующей моей квалификации? Вы полагаете, что мне тяжело будет разобраться в специфике?

Она тотчас вытаскивает мобильник и что-то в нем ищет.

– Господин Юн, я прошлым лето с проходила практику в одной крупной пекинской компании, хотите покажу фотографии?

– Меня и вправду уволили, отныне я безработный бывший заместитель участка, – терпеливо поясняю.

– Уволили... заместитель... – задумчиво растягивает Бию, поглядывая на мою дочь. – Ли ты же сказала, что твой папа...

Она запинаясь, кажется, все наконец-то поняла. Резко поднимается со стула, смотрит на часы и расплывается в виноватой улыбке.

– Знаете, мне пора, пойдём, Джу!

Джу как раз вышла из туалета и возвращается к нашему столику. Она украдкой смотрит на меня, явно желая остаться, в ее руке по-прежнему салфетка с бизнес планом. Но Бию перехватывает ее, что-то шепчет на ухо и ведет к выходу. По пути Бию останавливается возле официантки, указывая за наш столик.

– До свидания, господин Юн, – слышится нерешительное прощание от Джу.

– Рад был знакомству, – отвечаю я.

Кофе с имбирным пряником, заказанное Бию, так и осталось не тронутым. Расцениваю, что добру не надо пропадать, забираю чашку себе. Реакция, Бию, конечно, не совсем ясна, зато мне кофе больше достанется.

Помешивая эспрессо чайной ложкой, наблюдаю за Ли. Дочь озадачена и, похоже, не знает, что делать. Ситуация действительно неоднозначная, я своими словами испортил ей любые планы, но предупреждать надо, как говорится.

– Ничего не хочешь мне сказать? – спрашиваю у дочери.

– Я думала, ты не придешь, пап, думала, больше не увижу тебя!

Роняет лицо в ладони и начинает плакать, сквозь слезы рассказывая, что произошло. Дочки оказалось тяжело на материке, где царят совершенно иные ценности по сравнению с Гонконгом и подчас одни и те же вещи воспринимаются по разному. Лиджуан не могла найти себе друзей, потому что на материке на дух не переносили нас, а отец Ли вообще в своё время работал на дядю Сэма, что порицалось вдвойне.

Оттого она и решила придумать легенду, а потом ее озвучила:

– Я сказала, что ты, отец, на самом деле владелец бирюзовой компании! – шепчет она.

Выясняется, что бирюзовая компания это вовсе не цвет

униформы или что-то подобное. Нет, бирюзовая компания – это некая противоположность компании-механизму, где нет иерархии, но есть прозрачность и свобода сотрудников в принятии решений.

Функции сотрудников в таких компаниях гибко распределены, график работы свободный, решения коллективные (за уши такой формат можно притянуть к идеям коммунизма-социализма). И когда Ли рассказала сокурсникам про бирюзовую компанию – это сработало. Молодежь такой формат заинтересовал. Другой вопрос, что никакой бирюзовой, как и любой другой, компании у меня не было.

– Бию, самая крутая девчонка на курсе, попросилась к тебе на практику... – всхлипывает Ли. – И я не смогла ей отказать!

Теперь понятно. Дочь успела завратиться, создала образ отца, наделив его какими-то супер героическими качествами и ссылаясь на мою занятость, думала, что встреча никогда не произойдет.

Будет уроком, какой запомнится на всю жизнь.

Вытираю слезы на ее щеках:

– Не плачь.

– А ты еще оделся так, как будто и вправду директор бирюзовой компа-а-а-ани-и...

Успокоилась Ли не сразу. Я взял ее за плечи и заглянул в глаза:

– Такие друзья тебе точно не нужны.

Она еще больше разрыдалась и уткнулась щекой в мое плечо.

– Пап, ты не представляешь, какие жестокие бывают люди!

Некоторое время глажу ее по шелковым волосам. Ли хнычет, но постепенно успокаивается.

– И как же ты теперь будешь без работы, пап, – спрашивает она, наконец поднимая заплаканные глаза.

Голос еще дрожит, но сама истерика позади. Лиджуан Юн – умная девчонка, с закрытыми глазами видно потенциал.

– Безвыходных ситуаций не бывает, – заверяю, рассматривая ее родинку чуть выше верхней левой губы.

Такая же есть у ее матери, наверное, моя нынешняя жена была настолько же красивой, как и дочь сейчас.

Вообще чувство неловкое, я вижу Ли в первый раз, но все равно ощущаю невидимую связь, как бывает между дочерью и отцом. Одновременно, она посторонний человек, но человек настолько близкий, что я отчетливо чувствую ее переживания.

– Надо просто успокоиться, взяться за себя и начать работать – и всё рано или поздно образуется.

Утверждение без всякой конкретики, но Лиджуан верит. Достает косметичку, начинает приводить себя в порядок.

– Ты ведь мог промолчать, пап, – через некоторое время говорит она.

– Надо быть, а не казаться, Лиджуан, – эти слова застав-

ляют ее едва заметно вздрогнуть.

Она косится на настенные часы, впопыхах встаёт и собирается уходить, но я аккуратно придерживаю ее за запястье.

– Что было в сообщении? Кто он?

– Отец, – Ли выворачивается, пытаюсь высвободиться. – Я у тебя взрослая девочка, а у тебя куча своих проблем.

Высвободившись, она сменила меня строгим взглядом. И следа не осталось от той девчонки, что несколько минут назад позволила себе слабину.

– Пока, пап, – она нагнулась и чмокнула меня в щеку. – Тебе идет новый стиль! И да... звони почаще!

Ли разворачивается и цокая каблуками по плитке кафетерия, идет на выход.

– Господин, ваш чек! – на стол ложится фирменный конверт кафе, в нем – чек.

– Я же еще не оплатил счет?

– За вас все оплачено, – улыбается официантка.

И, видя что в кафе заходят новые посетители, бежит из встречать. Открываю конверт, достаю чек и изогнув бровь читаю строки. Написано заковыристый почерком:

Так уж и быть, заплачу за нищebroдов.

И подпись – Бию.

Иду по оживленным улицам Гонконга, как по огромному нескончаемому лабиринту. Тысячи перекрестков, пест-

рящих рекламой вывесок и высотных зданий, крышами подпирающих небо. Город как большой муравейник, на каждый квадратный километр – почти семь тысяч человек. Личное пространство в таких условиях – невиданная роскошь, недоступная почти никому. Люди едва ли не на голове друг у друга сидят.

При таких вводных стоит отвлечься на секунду – и людской поток подхватит тебя, как волна, и понесет по оживленным улицам вдаль.

Однако такая волна выносит тебя ровно в то место, куда надо. Не знаю, как это работает, но у Гонконга есть какой-то свой коллективный разум.

Слушаю в полуха народ, настроение которого в целом не ахти. Чувствуется, что грядут перемены. Но подавляющее большинство их не ждёт, они как обух по голове.

– Я изучил информацию по новому начальнику Яну! – орет в динамик поджарый молодой человек, брызжа слюной. – Он работал в отделе пропаганды, и информацию о бирже знает по чертовым голливудским фильмам! Он обвалит наши акции!..

– ...как во главу отдела искусственного интеллекта ставят пекаря! – орет, выпучив глаза, другой. – Мы слетим с западных грантов!

Подмечаю тех, кто чужд философии Гонконга – приезжих с материка. Таких немало и они выглядят как бельмо на глазу.

И по их лицам сразу видно, что чувствуют они себя, как короли жизни. Гонконг для них – большой кусок пирога, который надо урвать.

– Уволены! Все уволены! – визжит раскрасневшийся толстяк со значком коммунистической партии на груди. – Да что вы знаете про фитнес!

Он стоит возле вывески современного фитнес клуба. Потный, пуговицы рубашки с трудом удерживают внушительный живот. Он отныне начальник и порядки теперь устанавливает он.

Перед ним в шеренгу выстроены сотрудники – мужчины и женщины в отличной физической форме, сотрудники клуба. Один из них срывает с себя бейдж с надписью «Ми Онь, старший инструктор», бросает его на асфальт и подходя к новому начальнику, в сердцах плюет тому в лицо.

Разворачивается и собирается уходить. Но толстяк, багровея от злости, плюет на обидчика в ответ. Следующие пять минут они стоят друг против друга и как верблюды плюются, выкрикивая слова пообидней. А потом старшего инструктора хватает полиция...

Примерно через полчаса оказываюсь на крупном перекрестке, откуда до моего дома около километра пути. В первую очередь, нужно установить связь с внешним миром. Какой-никакой, у меня есть телефон, он – окно вовне. И через него мне станет понятно, в каком направлении двигаться дальше.

Нахожу киоск аренды переносных зарядных устройств и арендую зарядку с батареей для мобильного. Присаживаюсь на подоконник одного из сотен уличных кафе, чтоб воспользоваться бесплатным вайфай.

Экран мобильного загорается и медленно грузится. Телефон у меня выдавший виды, работает с зависаниями и давно требует замены.

Исходные окончательно ясны.

Теперь с помощью мобильника я отвечаю себе на возникшие вопросы. Базово присутствует понимание, что я – один из столпов режима, который решено смять с приходом партии в Гонконг. От меня решили избавиться, как от отработанного материала. Речи о физическом устранении нет (хотя не факт, что не зайдёт, когда кредитор поймёт, что долги мне нечем отдавать), но я оказался выброшен на обочину жизни и был списан.

За пазухой – ипотека, за которую еще платить и платить, личные долги на крупную сумму, безработная жена и дочь, испытывающая жуткий дискомфорт из-за в свое время неверно выбранных политических позиций отца.

Полный фарш.

Теперь о хорошей работе можно забыть, я наверняка в «черных списках» у корпораций не только в Гонконге, но и на материке. Мое место зама тоже займет какой-нибудь бывший полицейский или пекарь, обзаведшийся нужными связями на материке.

То, что происходит, вполне можно назвать рейдерскими захватами.

За границу меня не выпустят – утечки ценных кадров никто не допустит. Те, кто раньше смотрел на меня снизу вверх, отныне будут злорадствовать и подчеркивать мое нынешнее положение ниже плинтуса. Некогда равные (если такие остались) не подадут мне руки.

Но вешать нос и сдаваться – не вариант и не сценарий.

Что тогда?

Ответ очевиден – ничего хорошего, я теперь, как Акела, который промахнулся. Из князей – в грязи.

Дилинь-дилинь.

Экран, наконец, прогружается, на заставке знаменитый небоскреб – почти полукилометровое здание международного коммерческого центра. Подключаюсь к вайфай, благо, здесь не требуют пароля.

Один за другим всплывают уведомления, все в кучу, начинаю их фасовать. Отдельно: финансы, рекламный спам, личные сообщения. По финансам расклад удручающий, у меня несколько счетов в разных банках. Первый счет – ипотечный, нужной суммы на нем нет и если не будет до конца дня, пойдет нарушение договора, что чревато последствиями.

Пролистываю.

Следующий счет – кредитка, на ней крупная по здешним меркам сумма... была. В истории единственное снятие наличных – со вчерашней датой.

Любопытно, выходит Юн снимал деньги, и тотчас куда-то потратил. Счет в любом случае заблокирован и работает только на пополнение. Хочется верить, что я-прежний работал на опережение и наперед подгадал блокировку счета.

Но увы, нет, денег я не видел, скорее всего они понадобились срочно... вот только куда были потрачены? Память в ответ на вопрос молчит, как партизан.

Идем дальше. Собственно зарплатный счет, здесь тоже ничего интересного. Меньше тысячи гонконгских долларов, тоже заблокированных.

Все же набираю горячую линию банка. Тысяча баксов, пусть и гонконгских, мне явно не помешает.

– Здравствуйте, господин, вас приветствует голосовой помощник Су от Чонг хинг банка. Представьтесь, чтобы мы могли провести идентификацию.

– Меня зовут господин Юн.

В трубке повисает тишина. Робот обрабатывает информацию. Проходит около двадцати секунд, из динамика слышится щелчок и соединение прерывается. Звоню повторно, но оператор не соединяет. Попытка зайти на страницу сайта и там связаться с техподдержкой заканчивается зависанием страницы.

Понятно, в банке определенно дают понять, что я отныне в черном списке финансовой корпорации. Денег со счета мне не видеть, как собственных ушей. А вот отдавать долги они обязательно потребуют – на экране всплывает сообщение:

Господин Юн! Уведомляем вас о наличии просроченной задолженности по договору ипотечного кредитования № 734567 от 08.01.2**2

Рекламные сообщения удаляю сразу, чтобы от них не рябило в глазах. Казалось бы, информация бесполезная, но помогает отследить поведенческие паттерны реципиента.

Юн ходит в одну и ту же аптеку, где тратит фиксированную сумму еженедельно. Много сообщений от супермаркета «Митон», там Юн, скорее всего, закупается продуктами. Вот еще несколько десятков сообщений от магазина автозапчастей, но последнее датируется началом прошлого месяца:

Господин Юн, покрышки для вашего Мерседеса G63 Brabus поступили на склад и вскоре будут переданы в доставку.

Неплохо, значит, у Юна был шикарный автомобиль, но был, да, судя по всему, сплыл. В квартире я не видел ни документов, ни ключей.

А вот и сообщение от гаражного кооператива, подтверждающее, что с авто у меня покончено:

Вы прервали действие договора на машино-место.

В этом же списке информационных сообщений понемногу от сервиса доставки, кафе..., но ничего того, на что можно потратить столько денег.

Яснее становится, когда открываю смс от некой «Гонконг-клиникс» – там один за другим идут списания крупных

сумм: двадцать тысяч долларов, сто, семьдесят... и как вишенка на торте:

Уважаемые клиент, у вас образовалась задолженность в размере двухсот тысяч долларов.

Вот значит куда слито все честно заработанное господином Юном.

После ряда нехитрых манипуляций попадаю в личный кабинет клиники, там вся нужная информация. Личный кабинет оформлен на супругу, у которой, судя по диагнозу, большие проблемы со здоровьем – лейкемия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.